

Е. В. ГУСАРОВА

РАННИЙ ГОРОДСКОЙ ПЛАН ПЕТРОВСКИХ ГЕОДЕЗИСТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОРСКОМ АТЛАСЕ СЕРЕДИНЫ XVIII в. («Петров чертеж Астрахани»)

Основной объект настоящего исследования – рукописный план Астрахани XVIII в., специалистам ранее не известный. Установление даты создания и авторов чертежа позволило охарактеризовать его как самый ранний из известных на сегодня геодезических планов городов, выполненных русскими картографами, что меняет наши сложившиеся представления о времени появления подобных планов, сдвигая его в прошлое как минимум на 10 лет. Последовательное сравнение показывает, что этот чертеж является протооригиналом гравюры «План Астрахани» из пятитомного «Малого морского атласа», созданного Ж.-Н. Белленом – «одним из великих картографов Просвещения» – и изданного военно-морским министерством Франции в 1764 г. в Париже. В работе проанализирован путь русского чертежа во французский атлас, роль в этом астронома Ж.-Н. Делиля, а также причины интереса европейцев к Астрахани как одному из ключевых пунктов пути через Россию на Восток.

Ключевые слова: городской план петровского времени, петровские геодезисты, планы Астрахани XVIII в., французская картография, «Малый морской атлас» Ж.-Н. Беллена, деятельность астронома Ж.-Н. Делиля в Петербургской академии наук, русские коллекции Делиля во французских собраниях.

В Отделе рукописей Библиотеки Академии наук в Петербурге (ОР БАН) в собрании рукописных карт хранится чертеж XVIII в. русской работы – план Астрахани, до сих пор не публиковавшийся¹ (рис. 1). Осуществленное в настоящей статье уточнение даты его создания, установление имен авторов меняют наше представление о времени появления планов городов, выполненных русскими специалистами с использованием геодезической съемки. Считается, что первыми были план Москвы, составлявшийся «под смотрением» архитекторов И. А. Мордвинова, а затем И. Ф. Мичурина в 1731–1739 гг. («мичуринский»), а также «План императорского столичного города Санктпетербурга» в вариантах 1737 и 1738 гг. («план Зихгейма»). Более ранние планы Петербурга, Москвы, Киева были сделаны, как известно, иностранцами².

¹ Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН). Основное собрание рукописных карт. № 720.

² Санкт-Петербурга – Н. де Фером, Г. П. Бушем, К. Ф. Койетом, И. Б. Хоманом и др., Киева – Л.-Н. Аллартом, Москвы – У. фон Шперейтером.

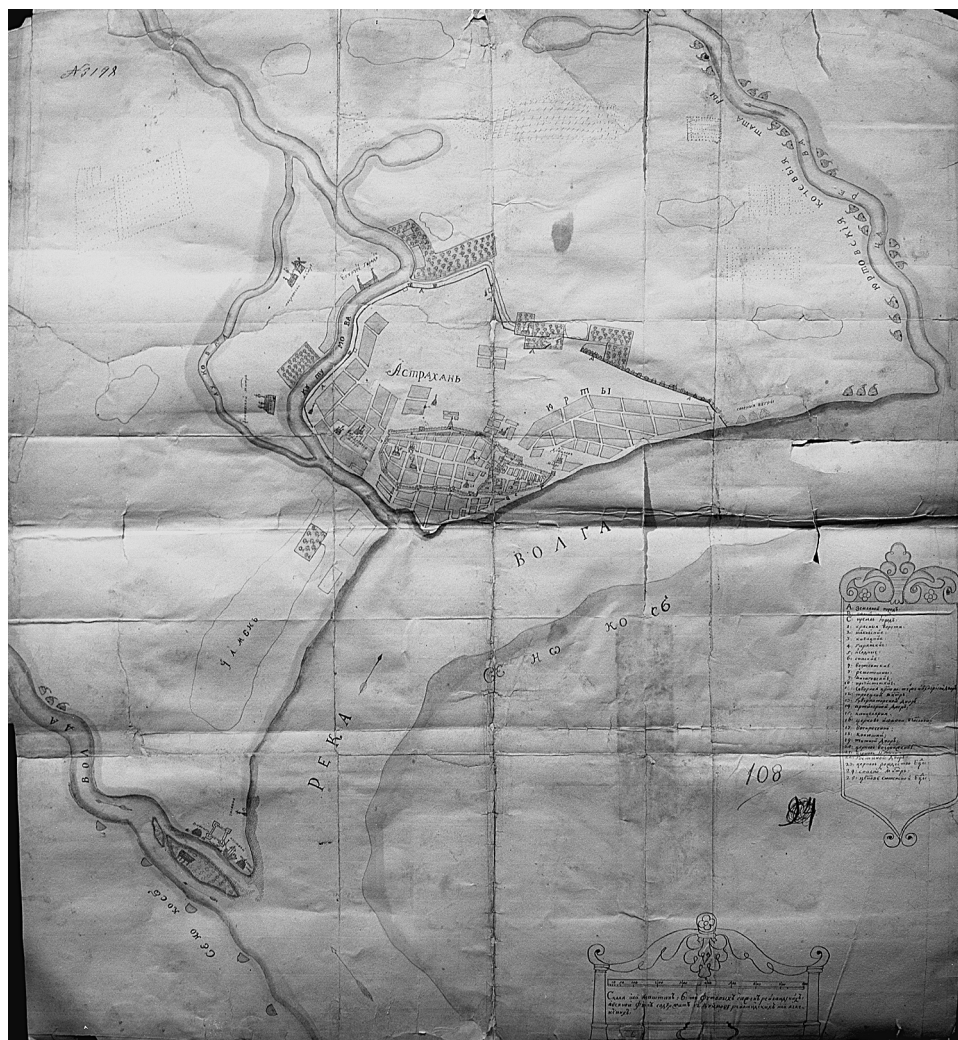

Рис. 1. План Астрахани из собрания ОР БАН

Исследователи полагают, что «в петровское время не был создан ни один план» (речь об инструментальных планах городов отечественного изготовления)³. Как мы увидим, однако, ниже, это не так.

³ Клименко С. В. План Москвы 1739 года: от чертежа для академического Атласа до документа градостроительного регулирования // Градостроительное искусство: новые материалы и исследования / Отв. ред. И. А. Бондаренко. М., 2007. Вып. 1. С. 137. Тот же тезис подтвердила в личной беседе Татьяна Анатольевна Базарова, автор монографии «Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование» (СПб., 2003).

Гравюра с планом Астрахани и «Малый морской атлас» Ж.-Н. Беллена

Начиная рассказ о рукописном плане Астрахани, оговоримся, что утверждение, будто он не публиковался, не совсем верно. Оказывается, этот ранний картографический опус в свое время был востребован и пережил удивительные метаморфозы. История его странствий стала открываться после знакомства отечественной аудитории с первым русским изданием труда Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм...», поразившего нас любопытными характеристиками «экономического и материального быта» разных стран и народов. Среди иллюстраций этого издания есть французская гравюра «План города Астрахани» (*Plan de la Ville d'Astracan*), чрезвычайно похожая на наш чертеж⁴ (рис. 2).

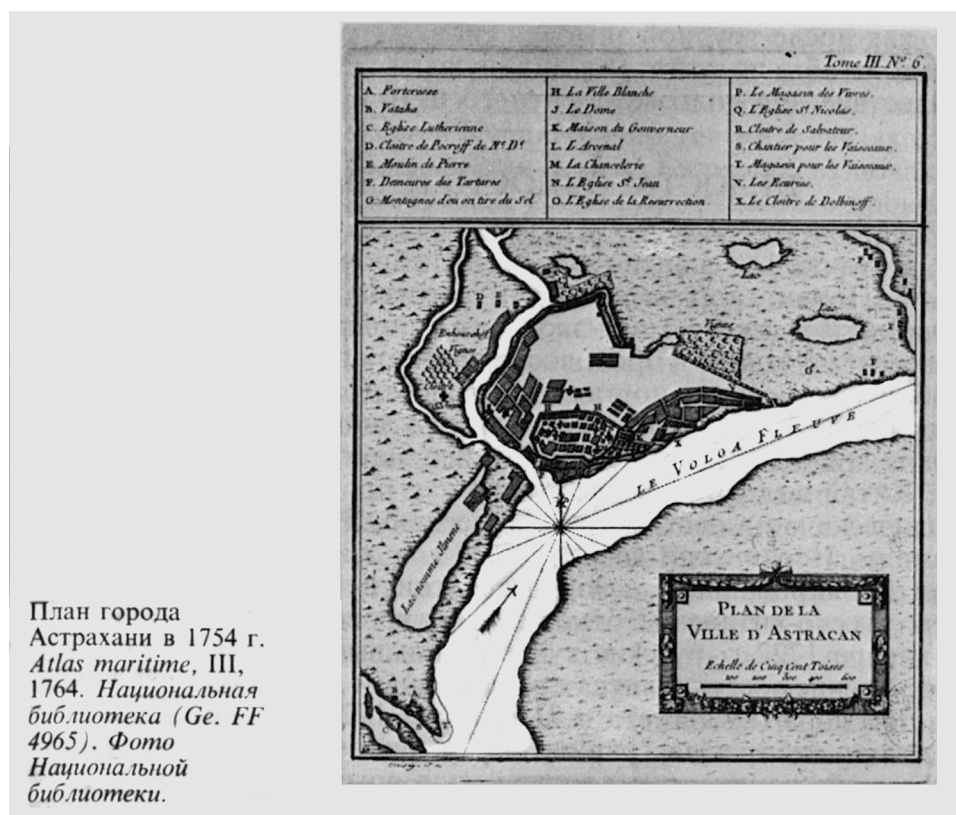

Рис. 2. План Астрахани, помещенный в книге Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.» с указанием даты, источника и шифров Национальной библиотеки Франции

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3. Время мира. С. 476. В отличие от первого издания (М.: Прогресс, 1988–1992), второе русское издание (М.: Весь мир, 2006) вышло без иллюстраций.

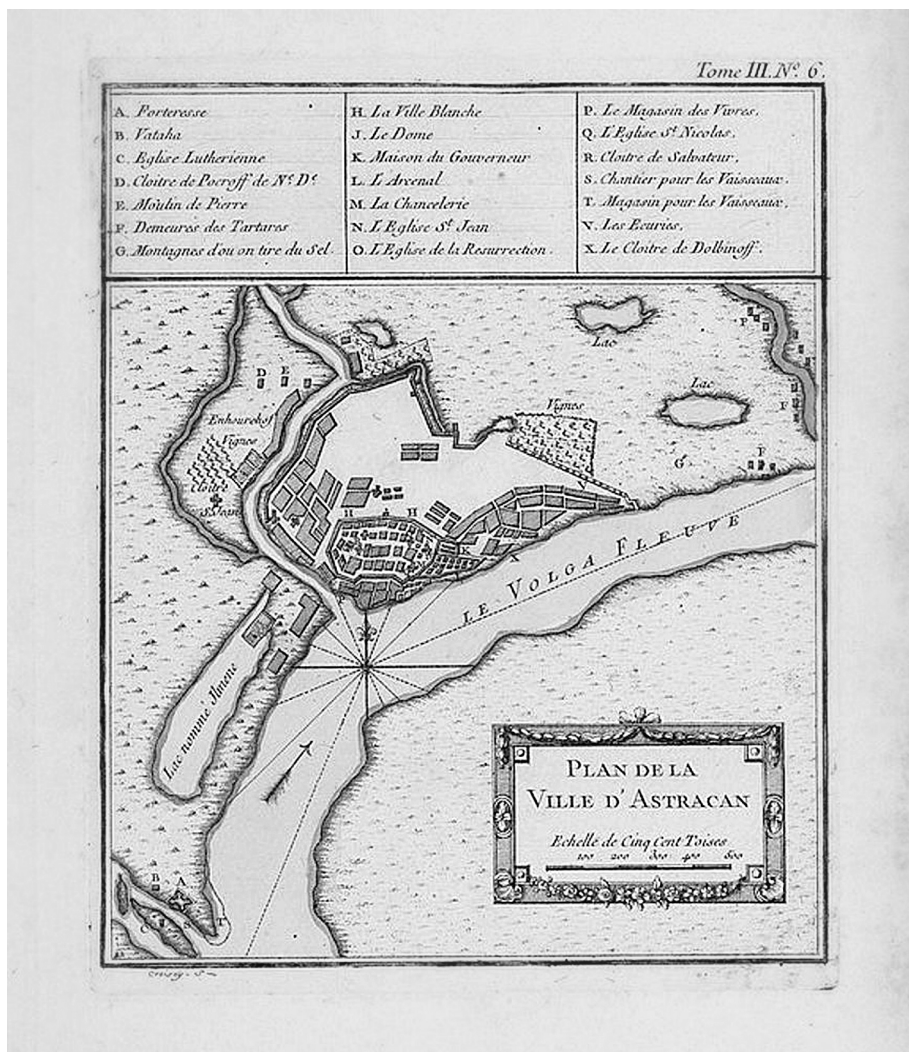

Рис. 3. Гравюра «План города Астрахани» из третьего тома «Малого морского атласа». Париж, 1764 г.

Бродель указывает источник, откуда взята иллюстрация, хотя называет его неточно. *Atlas maritime* (Морской атлас) 1764 года из Национальной библиотеки в Париже – это «Малый морской атлас. Собрание карт и планов четырех частей света», выпущенный в упомянутом году военно-морским министерством Франции в пяти томах⁵. Третий из них, содержащий карты Азии и Африки, включает гравюру с планом Астрахани (рис. 3), и именно на

⁵ [Bellin, J. N.] Le petit atlas maritime. Recueil de cartes et plans des quatre parties du monde. Vols. 1–5. Paris, 1764.

третий том указывает Бродель в своей подписи к картинке. Автора приведенного плана Бродель не называет, но на титульном листе «Малого морского атласа» есть имя автора-составителя: «Par le S. Bellin, Ingenieur de la Marine» (Сир Беллен, инженер морского флота).

Жак-Николя Беллен (1703–1772) значится «одним из великих картографов Просвещения», который «установил своими работами столь высокую норму мастерства и точности, что она позволила Франции занять ведущую роль в европейской картографии», слывет «самым важным французским картографом периода, когда Франция была главной колониальной державой», а также «главным картографом французского флота» и «основателем французской гидрографии». Его «Малый морской атлас», выдержавший 12 изданий, «является, – как утверждает биограф Беллена, – прецедентом в истории картографии: он содержит почти 600 карт и планов всех частей света»⁶. Специалисты отмечают особый характер этого издания, «действительно невероятного для производства того времени, особенно учитывая высокий уровень точности карт и качество гравировки»⁷.

Французская картография, тем более морская, известна у нас меньше, чем продукция других европейских школ – португальские, испанские, каталонские портоланы XIV–XVI вв., фламандские и голландские карты XVI–XVII вв., английские карты XVIII–XIX вв. Однако это не совсем оправданно: Франция была важнейшим центром мировой картографии. «Картография как наука – дитя астрономии и математики – родилась во Франции во времена Людовика XIV», – говорит историк⁸. Добавим имя Ж.-Б. Кольбера, знаменитого королевского министра, который не только поощрял создание мануфактур, учреждение французских Ост-Индской, Левантийской и других торговых компаний, развивал судостроение, но и основал Королевскую академию наук с Парижской обсерваторией, куда сумел привлечь лучших европейских ученых. Считается, что главной целью основания французской академии, несмотря на широкий спектр ее деятельности, было как раз исправление и улучшение сухопутных и морских карт⁹. Здесь трудились математики, астрономы, картографы, осуществившие «великую топографическую съемку Франции», начатую при Кольбере и законченную лишь в 1789 г. В рамках этой работы Кольбер поручил нанести на карты Атлантическое побережье Европы от Норвегии до Гибралтара. В качестве организатора морского министерства и фактического создателя французского военного флота он способствовал появлению корпуса «инженеров короля», занимавшихся укреплением портов и гаваней, а также составлением карт средиземноморского побережья. Одним из результатов всех этих многосторонних усилий стал «Французский Нептун» 1693 года – первый официаль-

⁶ *Garant, J.-M.* Jacques-Nicolas Bellin (1703–1772), cartographe, hydrographe, ingénieur du ministère de la Marine: sa vie, son œuvre, sa valeur historique. Montréal, 1973. Автору настоящей статьи эта магистерская диссертация оказалась недоступной; пришлось довольствоваться ее резюме: <http://mapage.noos.fr/porquerolles/bel.htm>.

⁷ http://www.oldirishmaps.com/cartographers/jacques_nicolas_bellin.php.

⁸ Браун Л. А. История географических карт. М., 2006. С. 322.

⁹ Там же. С. 330.

ный морской атлас Франции, включавший 29 карт, «великолепно выгравированных», «с самой выдающейся и достоверной информацией»¹⁰. К концу XVII в. французские картографы вышли на первое место по качеству своей продукции, оттеснив даже голландцев. «Французский Нептун» встал в один ряд с голландскими и английскими морскими атласами, такими как «Зеркало мореплавания» Лукаса Вагенера, «Английский пилот» Джона Селлера или «Тайный атлас Голландской Ост-Индской компании»¹¹.

Французские карты XVIII в., особенно морские и официальные, с их отказом от яркой декоративности, занимательности карт фламандской школы, предназначавшихся прежде всего для продажи, по точности информации и строгости исполнения причисляют «скорее, к научным произведениям». Их высокие качества оттачивались в условиях ожесточенной борьбы европейских держав за мировое господство, в жесткой конкуренции с английскими картографами (в специальной литературе применительно к этому времени есть даже понятие «Большая война карт»). В ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. – главного глобального конфликта XVIII в. – Франция отступала, теснимая в заморских колониях англичанами. «Малый морской атлас» Беллена появился в драматический момент – после того как Франция фактически потеряла свой военно-морской флот, «приведенный в цветущее состояние Кольбером», но оставленный в небрежении Людовиком XV и чередой его бездарных министров: 20 ноября 1759 г. английский адмирал Эдвард Хоук разбил французскую флотилию в заливе Киберон у берегов Бретани¹², и это было лишь одно из поражений, которые потерпела Франция в соперничестве с Англией на морях¹³.

Новый морской министр Франции герцог де Шуазель – «последняя и лучшая надежда Франции на успех в этой войне», как говорит о нем историк, «трудоголик, полный энергии, воображения, настойчивости» – предпринял колоссальные усилия по восстановлению флота. Он сумел использовать «взрыв национального энтузиазма», вызванный гибелью королевского флота.

¹⁰ Le Neptune françois, ou Atlas nouveau des cartes marines: leveés et gravées par ordre exprés du Roy, pour l'usage de ses armées de mer dans lequel on voit la description exacte de toutes les côtes de la Mer Oceane, & de la Mer Baltique, depuis la Norwege au Detroit de Gibraltar. Où sont exactement marquées les routes qu'il faut tenir, les bancs de sables, rochers & brasses d'eau; & generalement tout ce qui concerne la navigation / Reveu et mis en meilleur ordre par les Sieurs Pene, Cassini & autres. Paris, 1693.

¹¹ Отметим, что создание самых разных, хотя и иных по качеству атласов началось во Франции задолго до Кольбера. К этой традиции относятся мореходные атласы дьепской школы середины XVI в. с их удивительными живописными миниатюрами, карманный атлас Никола Тассина 1633 г. с гравированными планами и видами морских портов, «Описание Вселенной» Алана Малле 1683 г. с картами звездного неба и разных частей Земли, видами портов, гаваней, кораблей, а также знаменитые атласы Никола Сансона, Никола де Фера, Гийома Делиля.

¹² Подробно см.: Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009. С. 554–607.

¹³ См.: Тарле Е. В. Очерки колониальной политики европейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.; Л., 1965. С. 286–287; Черкасов П. П. Судьбы империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX в. М., 1983. С. 20–21.

Гигантская деятельность закипела в недавно еще мертвых портах. Везде строились и ремонтировались корабли [...] Когда Шуазель вышел в отставку, королевский флот насчитывал шестьдесят четыре линейных корабля и пятьдесят фрегатов. Арсеналы и склады были наполнены, созданы запасы корабельного леса ¹⁴.

«В заботах о морской и военной силе Франции» Шуазель «не упускал ни одного из направлений», и создание «Малого морского атласа» было, несомненно, частью этой многосторонней работы. Именно Шуазель стал «заказчиком» атласа, и посвящение ему, подписанное «нижайшим и покорнейшим слугой Белленом», открывает первый том ¹⁵.

Материалы «Малого морского атласа», как сообщается в его предисловии, — это «уникальная в своем роде серия карт и планов», предназначенная для «восполнения тонкостей», которых не доставало в предыдущих изданиях: «...очертаний заливов и бухт, рейдов и якорных стоянок, речных устьев и морских портов» ¹⁶. Здесь сделан акцент на фиксации «всех известных побережий мира», помещены планы множества «приморских городов» — от Бомбея до Нью-Йорка, от Эдинбурга до Бриндизи, от Гавра до Макао, от Гаваны до Кейптауна.

Многие из этих листов демонстрируют «горячие точки» Семилетней войны, развернувшейся, как известно, не только в Европе. Карты Западного побережья Африки из того же тома, в котором помещен план Астрахани, воскрешают события в африканских владениях Франции, куда английский премьер-министр направил несколько военно-морских экспедиций, отнявших у французов их фактории в Сенегале. «План Мадраса на Коромандельском побережье», представляющий столицу британской Ост-Индской компании во всех подробностях (город белых на скале у моря, защищенный тройной линией укреплений, отделенный от него рвом «черный город», где жили индийцы) — словно иллюстрация к событиям одного из решающих сражений двух держав в Индии. План Квебека представляет театр военной кампании, оказавшейся фатальной для Франции в «великом франко-британском конфликте в Америке». После захвата Квебека тот же план, но озаглавленный *The City of Quebec*, был помещен отдельной врезкой на карте завоеванных канадских земель, составленной англичанами по результатам Семилетней войны, — пышной *A New Map of the Province of Quebec*.... Карты — всегда средство пропаганды и свидетельство борьбы за территории; справедливо утверждение о теснейшей связи, существовавшей в XVIII в. между географическим изучением и политическим подчинением ¹⁷.

¹⁴ Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Пг., 1918 (см. также: <http://enoth.org/Stenzel/Stenzel100.htm>).

¹⁵ [Bellin.] Le petit atlas maritime... Vol. 1. [Из предисловия]. Здесь и далее перевод цитат из этого источника выполнен М. П. Дубянской.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 297.

Французская гравюра и рукописный чертеж – степень идентичности и время создания

Вернемся, однако, к плану Астрахани. Последовательное сравнение гравюры из атласа Беллена и рукописного чертежа из ОР БАН убеждает, что они не просто похожи – они идентичны. Одинаково нанесен на обоих планах разворот мощного русла Волги; в центре – полностью совпадающие и тут и там очертания города, напоминающие чашечку цветка. Причем на французской гравюре сходство этого цветка с королевской «бурбонской лилией», случайное в рукописном чертеже («цветок») образуют русла волжских рукавов Кутум и Луковка, линия укреплений Земляного города, обозначения садов), явно подчеркнуто¹⁸. Одинаково показаны другие важные подробности: в левом нижнем углу – ответвляющаяся от Волги река Болда с островом и значками на берегах, в верхнем правом углу – река Царев с татарскими селениями. Внутри городских стен идентично изображены ломаный треугольник астраханского кремля, периметр Белого города. Одинаковы пятна кварталов и полосы слободок. Совпадают форма и расположение водоемов вокруг города. Один из них – протяженный водоем, на русском чертеже снабженный надписью «Ильмень», а на французской гравюре – *Lac nommé Ilmene* (озеро, именуемое Ильмень). У его южного берега оба плана показывают сад, известный в истории Астрахани как «Аптекарский огород», учрежденный по именному указу Петра I в октябре 1720 г.¹⁹, а на ерике, соединяющем ильмень с Кутумом, – одинаковые очертания объекта, в котором узнается комплекс заведенного по царскому указу 1718 г. Птичьего двора, куда в петровское время свозилась из волжской дельты и окрестных стран экзотическая живность для царского птичника в столичном Летнем саду²⁰.

Все эти совпадения – следствие не столько одной и той же реально существовавшей ситуации, сколько одного набора выбранных для картографирования реалий (генерализации, как говорят картографы²¹). И даже одних и тех же ошибок – такова, например, упрощенная до искажения гидрография территории, совпадающая на двух планах во всех подробностях.

Есть и различия, но они обусловлены разницей техник (в одном случае – резцовая гравюра, в другом – рисунок пером с акварельной раскраской), а также уровнем графического исполнения. И именно в графике находим различие кардинальное. На рукописном чертеже храмы и монастыри изображены

¹⁸ Впечатление подкрепляется наличием в европейской картографической традиции такой разновидности, как изоморфные карты: средневековая карта Азии в виде Пегаса, карта «Европа-Дева» 1592 года, карты Бельгии в виде льва и др.

¹⁹ Штылько А. Н. Астраханская летопись историческая: известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни Астрахани с 1554 по 1896 гг. включительно. Астрахань, 1897. С. 15.

²⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. II. Кн. 46. Л. 605 и далее – переписка 1720 г. о Птичьем дворе в Астрахани. Благодарю Виктора Абрамовича Коренцита, сообщившего мне об этих материалах, а также Марину Виленовну Бабич, просмотревшую их в РГАДА по моей просьбе.

²¹ Благодарю за это уточнение Алексея Владимировича Постникова, осенью 2011 г. взявшего на себя труд прочесть первоначальную рукопись статьи и высказавшего несколько замечаний.

*Рис. 4. Пиктограммы церковных зданий на плане Астрахани
из собрания ОР БАН*

пиктограммами – рисунками архитектурных фасадов с куполами, главками, колокольнями. Причем рисунки эти – не единый условный значок: все они разные и отражают черты реально существовавших зданий (рис. 4). Гравюра же, показывая храмы на тех же местах, обозначает их значком в виде крестообразного плана с закругленной алтарной частью, и это именно условное обозначение (рис. 5). Такое различие говорит о хронологическом разрыве между составлением чертежа и созданием гравюры. Известно, что наличие на планах отдельных пиктограмм, изображающих реальные постройки, – характерная особенность европейских средневековых чертежей и ранних карт Нового времени²². И в русской картографии XVII в. специалисты выделяют прием «комбинированного изображения из двух составляющих: планового (предполагаемого) и фронтального (постоянно наблюдаемого)», при котором «на плановое изображение местности наносятся объекты в их фронтальном изображении», без показа перспективных сокращений²³. Причем эти «фронтальные изображения уникальных объектов города» считаются столь точными, что «годятся для использования чертежей в качестве

²² Планы городов с изображением построек создавались и позже – такие, как план Парижа Тюрго 1730-х гг. или план Петербурга Сент-Илера 1760-х гг., – но то были планы качественно иного уровня: аксонометрические, в реальной перспективе – скорее виды городов с птичьего полета, где прорисованы едва ли не все улицы и дома.

²³ Кузов В. С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 48–49.

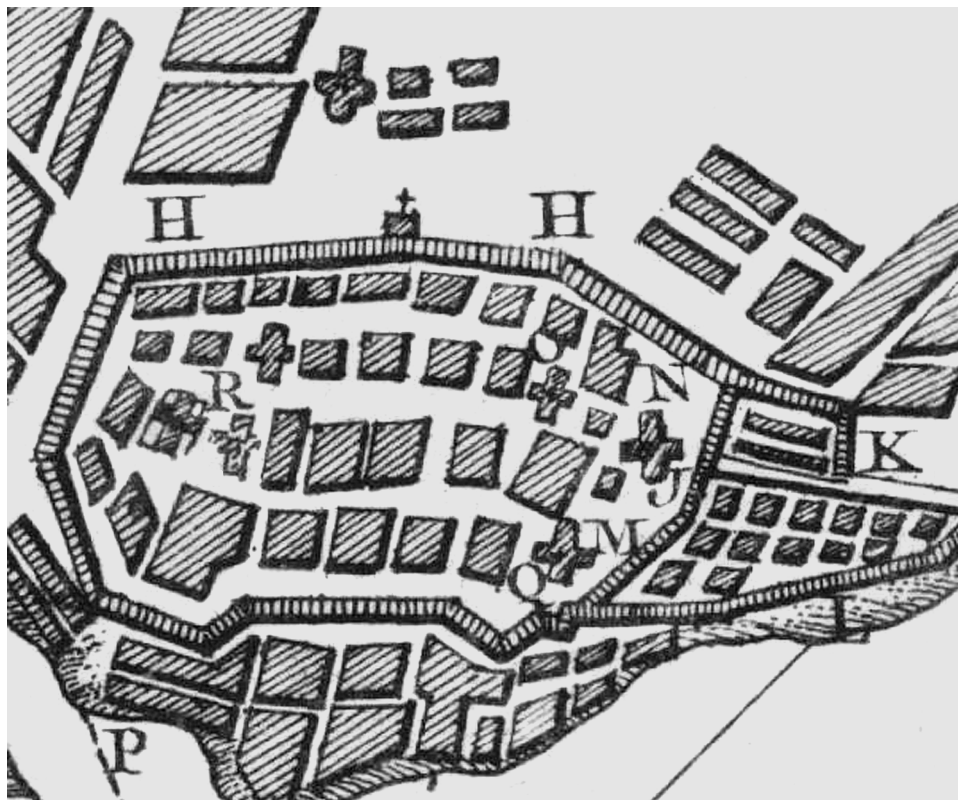

Рис. 5. Обозначения церковных зданий на гравюре «План города Астрахани»

достоверных источников при реставрационных работах»²⁴. Наиболее известный пример такого сочетания – планы Тобольска С. У. Ремезова рубежа XVII–XVIII вв. Такие же «лицевые рисунки» храмов, монастырей, гостиных дворов, воеводских палат мы видим и на рисованном плане Астрахани начала XVIII в.²⁵ Однако на ее же планах 1740-х гг. подобных рисунков нет и следа. Тем более неуместной архаикой они должны были казаться французскому мастеру, резавшему гравюру для «Малого морского атласа» 1764 года. А вот для русских картографов 1720-х гг. такие изображения еще вполне органичны. Здесь мы вплотную подошли к вопросу о датировке рукописного чертежа.

²⁴ Там же. С. 44. Любопытно, что этот прием средневековой русской картографии связывают с развитием строительных чертежей, считая, что «в его становлении сыграли определенную роль греческие и итальянские архитекторы, художники и строители, активно привлекавшиеся [...] в XIII–XVI вв. в основные русские города» (Постников А. В. Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего Отечества. М., 1996. С. 11).

²⁵ ОР БАН. Собрание иностранных рукописей. Folio 266. Т. 3. Л. 46. № 172. Опубликовано: Гусарова Е. В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. Илл. 2 на цветной вклейке.

В каталоге рукописных карт ОР БАН рассматриваемый план Астрахани датирован второй половиной XVIII в. Приведем его описание из этого каталога.

План города Астрахани. 2-я половина XVIII века. Даны: главное русло реки Волги и ее мелкие притоки с обозначением садов по берегам; план города занимает небольшую часть площади; показаны кварталы, крепость, часть посада, обнесенные стеной, монастыри, церкви, губернаторский двор, «артиллерной» двор, канцелярия, конюшни, житный и гостинный дворы. М. 150 сажен в 1 дюйме (1 : 12 600); в прямоугольных координатах. Бумага александрийская; размеры 74 × 64; 1 лист; в 3-х красках. Масштаб и пояснения в орнаментированных картушах ²⁶.

Предпринятая позже сотрудниками ОР БАН работа по выявлению в этом собрании материалов, принадлежавших Петру I, уточнившая некоторые датировки, нашего чертежа не коснулась²⁷. Добавим, что Бродель датирует помещенный в его книге план Астрахани из «Малого морского атласа» 1754 годом (к этой датировке мы еще вернемся).

Однако рассматриваемый план не мог быть создан ни в середине, ни во второй половине XVIII в.

Во-первых, к тому времени город разросся и имел другие очертания, что демонстрируют планы Астрахани 1746 (рис. 6) и 1769 гг.²⁸ На них появляется русло «Астраханского чрез Солончак Большого канала», почти законченного к началу 1760-х гг., наносятся «заканальные» кварталы, застройка «перебирается» на северный берег Кутума, увеличивается число садов вокруг города. Автор приведенного описания решил, что на плане показана только «часть посада», не зная, что незаполненная обозначением застройки территория Земляного города (посада), воспринятая им как следствие незавершенности чертежа, представляла собой солончаковое болото и потому на момент составления плана застроена не была. Лишь за болотом, у Садового бугра, существовала отдельная слободка, известная по документам XVII в. как «загородный кузнечный ряд»²⁹, вынесенный для пожарной безопасности подальше от городской застройки, – и этот ряд дан на плане отдельным пятном. Так что чертеж показывает весь посад, а не часть его, и в этом смысле точно отражает ситуацию до проведения канала, т. е. первой половины XVIII в.

Во-вторых, на чертеж не попали изменения, связанные с пребыванием в Астрахани Петра I во время Персидского похода. Это событие стало важным «разграничителем», помогающим датировать изображения города,

²⁶ Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги БАН СССР. Издано как Приложение II к статье: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. // Труды Архива АН СССР. 1946. Вып. 6. С. 331. № 326.

²⁷ Мурзанова М. Н., Покровская В. Ф., Боброва Е. И. Исторический очерк и обзор фондов ОР БАН СССР. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.; Л., 1961.

²⁸ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777. Т. 2. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе с начала августа 1769 по 5 июня 1770 г. Таб. 43.

²⁹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 178. Оп. 1. Д. 974, 1008.

Рис. 6. Инженер-поручик Данила Менделеев «План Астраханской крепости с показанием обывательского и протчего строения...», 1746 г. ОР БАН

так как к приезду царя он претерпел известные изменения. Рассмотрим их подробнее.

На территории кремля обозначены цифрами Воскресенская церковь и храм Иоанна Богослова. Однако известно, что они были вынесены оттуда к приезду царя:

В 1722 г. губернатор Артемий Волынский, готовясь к встрече Государя Императора, приказал деревянные в Кремле дома и церкви снести. По сему кремлевская Воскресенская церковь перенесена была за Белый город [...] Иоанно-Богословская же перемещена в девичий Благовещенский монастырь³⁰.

³⁰ Савинский И. И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 гг.) Астрахань, 1903. С. 96.

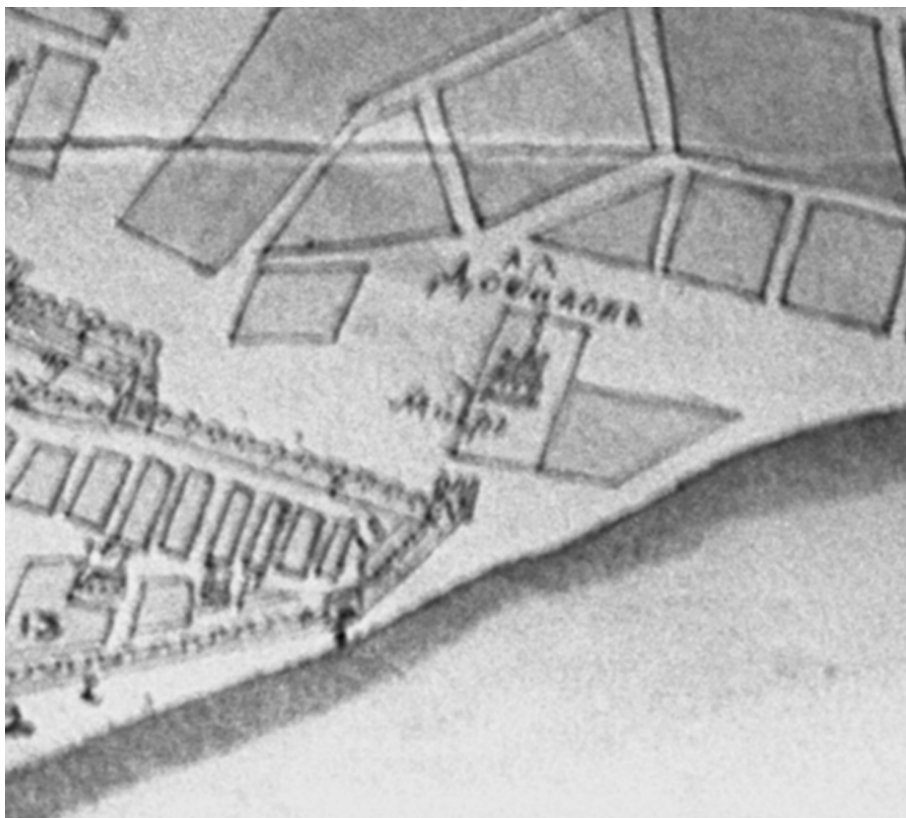

Рис. 7. Пиктограмма «Долбилов монастырь» на плане Астрахани из собрания ОР БАН

К югу от кремля пиктограммой обозначен Сретенский Долбилов монастырь (рис. 7). Но хорошо известно, что он был упразднен приехавшим в Астрахань Петром I, а в 1727 г. на его месте построили адмиралтейство³¹. На планах середины и второй половины XVIII в. оно присутствует как основательная деревоземляная крепость³², включающая множество специальных строений³³ (рис. 8). Ничего подобного на волжском берегу у Крымской башни

³¹ Подробно см.: Соколов А. П. Начало Астраханского порта // Морской сборник. 1849. Т. 2. № 2. С. 27–32.

³² «Палисад кругом адмиралтейства с неглубоким рвом», — определяет эти укрепления документ 1760-х гг. (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 326. Оп. 1. Д. 1466).

³³ «Вновь строящийся командирской дом», «Анбар, где стоят Его императорского Величества Государя Петра Первого плезир яхта и баржа [...] а в протчих [...] лежат дубовые леса для починки фрегатов и хранятца мелкие суда и фрегацкие стенги, рей, канаты и протчие материалы», «Гошпитальные погреба со льдом для сохранения про больных в летнее время пива и квасу», «Кантора Астраханского порта ветхая в которой состоит покоев: в верхнем департаменте штурманское училище и для малолетних учеников школа, щетная комиссия, архив из давних лет с разными делами, в нижнем департаменте караульные, офицерской и салдацкой дом, блокова, купорная и столярная мастерские...» (Там же).

Рис. 8. Адмиралтейство на плане Астрахани 1769 г. из книги С. Г. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств природы». СПб., 1777. Т. 2. Табл. 43

рассматриваемый рукописный чертеж не показывает, зато весьма реалистично представляет «корабли» и «казенной анбар» в нижнем левом углу листа, на берегу реки Болды, как и подробно прорисованный план укрепления о четырех бастионах (рис. 9).

«Государеву пристань», как и здешнюю немецкую слободу, перенесли на Болду, подальше от мятежного города, после астраханского стрелецкого бунта 1705 г.³⁴ – о них упоминает Корнелис де Бруин в 1707 г.³⁵ О «Болдинской гавани» и «анбарах» при ней, о поставленных на берегу «скампавеях» (галерах) пишет командир астраханского коммерческого флота «Яган» Рентель в «доношениях» 1720 г.³⁶ Наконец, астраханская Ключаревская летопись повествует: «На косе между Волгою и Болдою была Государева пристань морских судов, но по заведении в городе при губернаторе Волинском адмиралтейства,

³⁴ Леонтьев Н. Ф. Петр I и Астрахань // Полтавская победа. 200-летний юбилей. Астрахань, 1909. С. 24.

³⁵ Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с франц. П.П. Барсова. М., 1873. С. 189, 222.

³⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113. Оп. 4. Д. 100. Л. 4–5.

в 1721 году упразднена»³⁷. Можно ли датировать план, на котором она показана, второй половиной XVIII в.?

Заметная подробность плана – изображение на левом берегу Кутума «Емгурчеева городка». Пиктограмма под этой надписью представляет эффектную архитектурную композицию: стена с проемом в центре фланкирована двумя многоярусными конусовидными башнями с флажками на шпилях (рис. 10). Изображение фасада столь примечательного в истории и топографии Астрахани объекта встречается впервые.

Ямгурчей – почти легендарный и в то же время вполне реальный исторический персонаж астраханского «средневековья», и даже не один. Прежде всего это «предпоследний астраханский хан Ямгурчи» – тот, что сначала «бил челом» царю Ивану Грозному, изъявляя желание служить, потом изменил, «обобщенный» крымцами, ограбил царского посла, а когда был разбит русской ратью, «с двадцатью воинами ускакал в Азов»³⁸. «Царев стан» этого Ямгурчея, в котором посланный вдогонку князь Вяземский нашел «немало кинутых пушек и пищалей», так естественно связать с «Ямгурчеевым городком» на берегу Кутума. Первым это сделал С. Г. Гмелин:

Думать надобно, что сей стан был за протоком Волжским, Кутум называемым [...] ибо сие место еще и поныне астраханские жители Емгурчеевым городком или Емгурчеевой крепостью называют³⁹.

С тем же «Ямгурчи» связывает сохранившиеся в топонимике Астрахани до наших дней названия Ямгурчеев мост, «Ямгурчев» как один из районов Закутумья и современный исследователь⁴⁰.

Но был и другой Ямгурчей, хотя известен он меньше. В документах Астраханской приказной палаты середины XVII в. немало сведений о ногайском (едисанском) мурзе «Ямгурчее Кейкуват Ян-Маметеве», с 1654 г. стоявшем со своим улусом «под Астраханью», «за Кутумовой»⁴¹. Впервые он упоми-

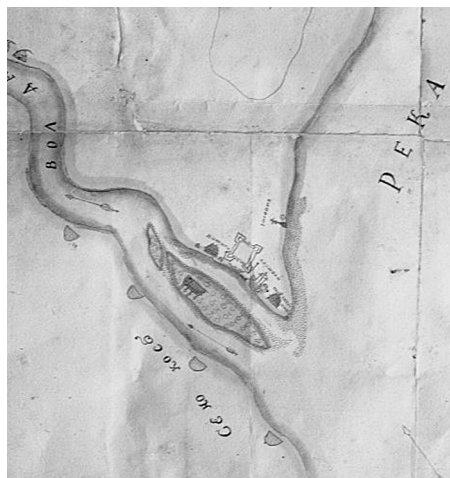

Рис. 9. Бастионное укрепление, корабли и строения на стрелке рек Волга и Болда. Фрагмент плана Астрахани из собрания ОР БАН

³⁷ Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. С. 57.

³⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Тула, 1990. Т. 7–9. С. 265.

³⁹ Гмелин. Путешествие по России... Т. 2. С. 70–71.

⁴⁰ Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 171.

⁴¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2864, 2844.

Рис. 10. Пиктограмма «Емгурчье городок» и деревянные башни Земляного города. Фрагмент плана Астрахани из собрания ОР БАН

нается в 1651 г., причем совсем не в дружественном контексте⁴², но затем присягает русскому царю, исправно служит, получает «государево жалование» и даже отмечает православные праздники⁴³. Городок за рекой Кутумом, где обитал улус Ямгурчея, документы называют по-разному: «ногайский надолбный кутумовский острог», «едисанский городок», «нагайский (так в документе. – Е. Г.) вертлюжный город мурзы Ямгурчея»⁴⁴. Здесь «нагайские татары» жили «своими дворами» зимой, а летом отбывали «в летние кочевья»⁴⁵. Определение «городок» означает, что поселение было укрепленным, «острог» и «надолбный» – что укрепления состояли из вертикально вбитых в землю заостренных бревен; «вертлюжный» могло означать, что городок имел ворота с полотнищами, навешенными на петлях-вертлюгах⁴⁶. Судя по документам, к сооружению Ямгурчьева городка имела отношение русская власть. Во всяком случае в 1679 г. московский приказ Казанского дворца извещал

⁴² К Ямгурчею «за Волгу на Крымскую степь» посылают из Астрахани стрелецкого голову Василия Пояркова с наказом, чтобы тот «унял» своих людей и прекратил нападения на дружественные русским улусы «мурзы Аксаина с братьею», кочующие у Астрахани (Там же. Д. 2274).

⁴³ Там же. Д. 3563, 7838, 8020, 9034, 3014, 3018, 7695, 5412, 6926.

⁴⁴ Там же. Д. 2845, 2864, 2869.

⁴⁵ Там же. Д. 3455, 4656.

⁴⁶ Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. М., 1995. С. 33.

астраханского воеводу Матвея Пушкина о том, что из Казани будет прислан строевой лес для укрепления размытых водой «полых мест», где находятся жилища едисанских и юртовских татар⁴⁷. А в 1662 г., когда строился третий пояс укреплений вокруг Астрахани («Деревянный город»), упоминается «новый нагайский деревянный город, где живет мурза Ямгурчей (курсив мой. – Е. Г.)», – очевидно, в это время укрепления городка обновлялись⁴⁸.

К концу 1680-х гг. назначение Ямгурчеева городка изменились. По-видимому, в связи с ростом Астрахани нагайский улус переместился в другое место. На упоминавшемся рисованном плане Астрахани начала XVIII в. на месте Ямгурчеева городка отмечен «Яицкой рыбный двор», а во «Введении к Астраханской топографии» П. И. Рычкова со ссылкой на «сибирского купца Ивана Маленькова», «человека любопытного» и в Астрахани «многократно и немаловременно» бывавшего, об этом городке говорится как о «деревянном строении», стоявшем «на реке Кутумовой по течению ее с левой стороны» и принадлежавшем «Казанской рыбной конторе»⁴⁹. Это соотносится с данными о том, что в 1704 г. астраханские «рыбные ловли» были взяты в казну⁵⁰, а все вместе может означать, что после Ямгурчей городок, сохранивший его имя, занимало одно из подразделений царского рыбного промысла – «великого государя рыбный двор».

Такие рыбные дворы были во многих волжских городах и представляли собой центры управления рыболовецкими артелями, разбросанными по берегам Волги, – ватагами. Если «ватажный стан» состоял из легких построек, предназначенных для первичной обработки выловленной здесь же рыбы, то рыбный двор был одновременно базой, куда свозили рыбу из ватаг, и перерабатывающим заводом, где ее солили, коптили, замораживали. Здесь постоянно жили приказчики и сторожа, а в путину прибывали работные люди, нанимавшиеся в ватаги, в судовые караваны, трудившиеся на самом рыбном дворе. Такой «городок» представлял собой капитальный комплекс: амбары, ледники, сушильни, поварни – десятки построек, обнесенные общей стеной. «Как правило, это были хорошо укрепленные сооружения – настоящие маленькие крепости для защиты от кочевников»⁵¹.

Разглядывая пиктограмму на рукописном чертеже, нужно вспомнить еще об одной функции рыбного двора: здесь не только обрабатывали, но и продавали рыбу, причем задача эта считалась одной из важнейших. А это значит, что «государев рыбный двор» выполнял и своего рода представительские функции и должен был иметь импозантный фасад. Известно, что выстроенный в 1660-х гг. в Москве Новый Гостиный Двор на Ильинке – одно из казенных торговых сооружений столицы, посещавшееся иногородними и инозем-

⁴⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 8141.

⁴⁸ Там же. Д. 4352.

⁴⁹ Рычков П. И. Введение к Астраханской топографии. М., 1774. С. 70–71. Казанская рыбная контора была, очевидно, подразделением Казанского приказа – центрального органа, «ведавшего низовые украинные городы» и существовавшего до 1708 г. Исходя из этого, сведения Ивана Маленького следует отнести к началу XVIII в.

⁵⁰ Леонтьев. Петр I и Астрахань... С 20.

⁵¹ Дубман Э. Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в. // http://medianet.yartel.ru/povolzje/index.php?option=com_content&view=article&id=225:-31--&catid=20&Itemid=32.

ными купцами, – называли «наилучшим зданием» в столице⁵². Из описания известно, что над главными его воротами возвели восьмигранную шатровую башню, увенчанную вызолоченным медным гербом, по сторонам поставили два «шатрика» поменьше, въездной проем фланкировали каменными колоннами с резьбой⁵³. По-видимому, нечто подобное – в промыслово-торговом, деревянном, провинциальном варианте – представлял собой фасад астраханского рыбного двора, выстроенный, как показывает пиктограмма, в формах архитектуры Московской Руси.

Однако во второй половине XVIII в. Гмелин застал Ямгурчееву слободу на берегу Кутума не нарядным «городком», т. е. небольшой крепостью, а бедным предместьем, состоявшим из «одних только деревянных и по большей части мелких домов», где живут «солдаты, купцы и простые люди»⁵⁴. Кроме того, он отметил здесь две церкви Михаила Архангела – каменную и деревянную. Известно, что деревянный Михайло-Архангельский храм заново построили в этой слободе в 1723 г.⁵⁵, а каменный – в 1766 г.⁵⁶ Однако ни на рукописном чертеже, ни на французской гравюре из морского атласа ни одной церкви здесь не показано. Это значит, что план составлен не во второй половине XVIII в., а до 1723 г.

Еще примечательная подробность – изображение башен Деревянного города, третьего пояса укреплений допетровской Астрахани, едва ли не единственное, во всяком случае в документе русского происхождения. Повторяющаяся очертания берегов Кутума и Криуши протяженная плотная линия с примыкающими к ней пиктограммами и буквой «А» расшифрована в экспликации как «Земляной город»⁵⁷ (рис. 10). Четыре пиктограммы в виде приземистых башен без шатров, но с нависающими обламами (напусками верхних венцов сруба) и воротными проемами соответствуют, как представляется, Уржумским, Садовым, Арбузным и Святым воротам. Для нас важно, что если на известной схеме Н. Б. Голиковой, фиксирующей ситуацию рубежа XVII–XVIII вв., показано 14 башен астраханского Деревянного города⁵⁸, а в «городовой росписи» 1709 г. их перечислено 13⁵⁹, то в описании астраханских строений И. К. Кирилова, фиксирующем ситуацию 1726 г., деревянных укреплений не упомянуто вовсе: «Город столичной Астрахань, каменных два

⁵² Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 172.

⁵³ Бакланова Н. А. Постройка Нового гостиного двора в Москве. 1660–1665 гг. // Академику Б. Д. Грекову к 70-летию. М., 1952. С. 192–194.

⁵⁴ Гмелин. Путешествие по России... Т. 2. С. 152–153.

⁵⁵ См. дело 1723 г. «О дозволении построить Михайловскую церковь на месте обветшавшей в Астрахани» (Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 4. Д. 490).

⁵⁶ Игумен Иосиф (Марьян). Астрахань. Храмы и монастыри. Астрахань, 2002. С. 170; Штылько. Астраханская летопись... С. 17, 24.

⁵⁷ После исчезновения деревянной части этих укреплений, представлявших первоначально земляной вал с деревянным тыном и башнями, его стали называть Земляным городом, что закрепилось и в литературе.

⁵⁸ См.: Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. / Ред. Н. Ф. Гуляницкий. М., 1994. С. 89.

⁵⁹ Астрахань в 1709 году // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1894. С. 26–27.

города з башнями, третей земляной вал»⁶⁰. Очевидно, к тому времени деревянные сооружения на валу обветшали и были разобраны. Четыре воротные башни, показанные на нашем плане, свидетельствуют, что план был составлен раньше 1726 г. – в период, когда они еще стояли.

Важно учитывать, что фортификации внешнего астраханского города, называвшегося теперь форштадтом, существовали на протяжении всего XVIII в., однако совсем в ином виде. В начале 1740-х гг. по присланному из Петербурга проекту инженера И. Л. Любераса под руководством астраханского коменданта Федора Кнутова строились укрепления «по регулам инженерным», т. е. по европейским правилам.

Около посадов, которая за городом, где живут по большей части татары, хивинцы, индейцы, бухары и персияны, сделать некоторую защиту, – писал Кнутов губернатору В. Н. Татищеву, – по присланному плану в показанных местах, как при крепости, так и круг слобод, батареи и редуты и линии заложены и строены мною как надлежит [...] Слободы [...] покрыты редутами, ретранжаментом, батареями, обставливая по брустверу турами, також полисадами и рогатками...⁶¹

На плане Астрахани, составленном около 1744 г., можно видеть эти фортификации нового типа (рис. 11). Через 20 лет их обновили:

По причине дошедших известей о походе хана Крымского чрез Ачаковскую степь и о намерении ево нападение учинить на крепость Св. Анны, на запорожские жилища и на Низовую Сербию, велено иметь накрепчайшую предосторожность, – доносил из Астрахани инженер-майор Василий Левин осенью 1762 г., – насыпать землю на берегу реки Волги у Татарского перевоза старой редут, который был построен в 741 году камендантом Кнутовым от реки Волги до Троицкого саду. По Киселеву бугру вновь сделать земляных редантов три, позади Троицкого саду по обрубу старых редантов три, от Троицкого саду до делающегося канала из Кутумовой плотины старых редантов пятиугольных три, треугольных два, редут один [...] И вместо бруствера на оные поставить сплетенные из хвороста и насыпанные землю ж туры...⁶²

Ничего подобного на рассматриваемом чертеже нет, хотя он запечатлел остатки допетровских деревянных укреплений. Можно ли после этого считать, что чертеж составлен во второй половине XVIII в.?

Есть и другие датирующие признаки, заключающиеся не в том, какой набор объектов дан на чертеже, а в том, *как* они показаны.

Во-первых, архаичен использованный при составлении чертежа метод «развертки», когда пиктограммы показаны не с одной точки зрения, а так, что для их восприятия нужно разворачивать чертеж в разные стороны. Этот

⁶⁰ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. М., 1977. С. 228.

⁶¹ Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 101а. Л. 1–5.

⁶² Там же. Д. 1674. Л. 31–32 об.

Рис. 11. Обозначение фортификаций на «Плане Астраханской крепости с облегающей дальней ситуацией», составленном около 1744 г. ОР БАН

способ, предполагающий не одну, а множество точек перспективы, характерен для средневековых чертежей.

Во-вторых, архаично произвольное использование цвета. Почти вся застройка показана на чертеже красным цветом, что во второй половине XVIII в. станет обозначением каменных строений, тогда как деревянные обозначались желтым. Однако такого количества каменных храмов, монастырей и домов, какое помечено на нашем чертеже красным, в Астрахани XVIII в. попросту не было.

В-третьих, ориентация чертежа на юг типична для древнерусской картографической традиции.

Архаичной является и манера указания масштаба: «Скала или маштап 6-ти футовых сажен рейландских, а всякой фут содержит 12 дуймов рейландских или аглинских»⁶³.

Орнаментика картушей – обрамлений экспликации и масштабной шкалы – сделана в стилистике русского искусства XVII в. и наивного петровского барокко: сочные растительные завитки, примитивные цветы, красно-зеленая гамма – все это никак не относится к декору второй половины XVIII в. (рис. 12), зато

⁶³ «Рейландский» (рейнландский, рейнский) фут – единица длины, распространенная в XVIII в. в Западной Европе; в России появился в результате метрологической реформы Петра I и был равен английскому, его использовали в основном моряки. Отметим, что на французской гравюре масштаб указан во французских туазах: «Echelle de Cing Cent Toises».

близко к оформлению миниатюр такой, например, рукописи первой половины XVIII в., как «История Петра I» П. Н. Крекшина из собрания Исторического музея (рис. 13).

Датировать с требуемой точностью бумагу чертежа по филигране мешает множество «заплаток» на оборотной стороне листа, вызванное его ветхим состоянием. Видимые фрагменты филиграны позволяют предположить знак (лилия на щите под короной, лигатура *WR*, контрамарка не ясна), который использовался с первой половины XVII в. по вторую половину XVIII в.⁶⁴

Важнейшим подтверждением ранней датировки служит сделанная с чертежа в 1726 г. копия, о которой речь впереди.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что рассмотренный рукописный чертеж с планом Астрахани из собрания ОР БАН составлен в первой четверти XVIII в.

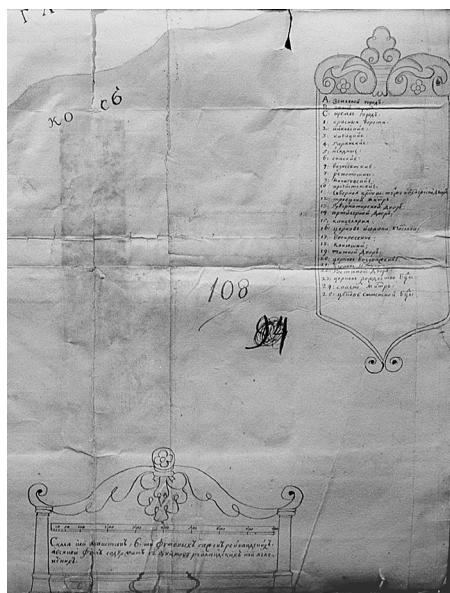

Рис. 12. Орнаментированные картуши экспликации и масштабной шкалы на плане Астрахани из собрания ОР БАН

Источники информации французского картографа

Обратимся теперь к французской гравюре: кто был ее автором? Под нижней рамкой видна крохотная надпись: «Croisey S-t». Она встречается и на других листах атласа – под планами Марселя, Тулона с окрестностями, картами острова Сардиния, бухты Кадис – в вариантах «Croisey sc-t», «Croisey sculpsit», что означает «вырезал Круазе». Это подпись гравера, резавшего медную доску для публикации чертежа в атласе. Классические словари по искусству дают сведения о нескольких граверах Круазе, работавших в Париже в рассматриваемый период⁶⁵. Специалисты Национальной библиотеки Франции считают автором гравюры с планом Астрахани Жана-Батиста Круазе (*Jean-Baptiste Croisey*)⁶⁶.

Но если гравюру резал Круазе, то кто составлял чертеж? Мог ли сам Беллен – «один из наиболее продуктивных картографов XVIII века» – быть автором оригинала?

⁶⁴ Благодарю за приведенный анализ фрагментов филиграны сотрудника ОР БАН Алексея Геннадьевича Сергеева.

⁶⁵ *Le Blanc, Ch. Manuel de l'amateur d'estampes*. Paris, 1856. Vol. 2. P. 69; *Thieme, U., Becker, F. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler*. Leipzig, 1913. Bd. 2. P. 147.

⁶⁶ См.: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb40667063b>.

Рис. 13. Орнаментальная рамка-заставка и миниатюра «Восставшие стрельцы» из рукописи первой половины XVIII в. П. Н. Крекишина «История Петра I». ГИМ. Воспроизводится по изданию: Древнерусская миниатюра в Государственном историческом музее. М., 1982. Вып. 6. С. 3, 4.

Маловероятно. Он был «кабинетным», точнее «штабным» картографом, а не путешественником, не «практиковавшим навигатором»⁶⁷. Возглавляя до конца жизни (он умер в 1772 г. в Версале) французскую гидрографическую службу (взят туда с самого ее основания в 1720 г. в качестве клерка Депо составления карт и планов, а в 1741 г. стал его первым, читай: главным, инженером, а также «королевским гидрографом»), Беллен имел доступ к огромному количеству картографической информации, централизованно собиравшейся в этом подразделении Военно-морского флота Франции. Информация поступала от офицеров флота, министра торговли, курировавшего морские торговые суда, иезуитов-путешественников, из научных кругов. Располагая «штатом из многих младших инженеров», Беллен уточнял известные карты, исправлял «многие предосудительные для мореходства ошибки», рисовал эскизы новых карт⁶⁸.

⁶⁷ Garant. Jacques-Nicolas Bellin...

⁶⁸ [Bellin.] Le petit atlas maritime... Vol. 1. [Из предуведомления].

Он остро нуждался в информации и не раз обращался к навигаторам, астрономам, инженерам с просьбой поделиться сведениями о координатах конкретных пунктов в разных уголках мира, о различных местностях, регионах, маршрутах. Говорят, ему удалось создать разветвленную сеть корреспондентов по всей Европе и в колониях – своего рода «впередсмотрящих офицеров», которые снабжали его сведениями ⁶⁹.

Будучи «интеллектуально честным ученым», что подчеркивают исследователи, Беллен ссылался на источники своих работ, хотя далеко не всегда. Чертежей, подписанных самим Белленом, относительно немного. Так, подпись на карте Северной Америки 1755 г., помещенная в пышном катруше, гласит: «...[составлена] месье Н. Белленом, инженером флота и Депо планов, членом Королевской Морской академии и Королевского общества в Лондоне». Многие работы Беллена снабжены ссылками: «составлена по журналам навигаторов», «снята французскими и английскими моряками», «выполнена голландцами», «снята на месте французским инженером» «извлечена из пригодной английской карты». Есть ссылки на конкретные имена: «составлена по испанской карте Мурильо де Веларде», «извлечена из путешествия адмирала Ансона», «сокращенный, но точно следующий тому, что снят по указанию месье Де Турни, интенданта округа, в 1754 году» (о плане города Бордо).

Планы «прибрежных городов» в атласах Беллена, как правило, не подписаны и за редким исключением ссылок не имеют, но источники некоторых известны. Так, план Нью-Йорка из «Малого морского атласа» считается версией врезки с рукописной карты Ж. Б. Франклина, одного из ранних картографов Северной Америки; план Нового Орлеана основан на чертеже, созданном за четверть века до того автором «Истории и общего описания Новой Франции» (1744) ученым-иезуитом П.-Ф.-К. Шарлевуа; планы японских городов Эдо и Нагасаки заимствованы из «Истории Японии» (1727) немецкого ученого-путешественника Э. Кемпфера.

Есть в изданиях Беллена чертежи, история которых уходит в глубь веков, – своего рода «бродячие сюжеты». Так, его план Гоа, столицы португальской Индии, является развитием версии, изданной в 1596 г. в Амстердаме, возобновленной в 1646 г. Матиасом Мерианом, воспроизведенной в «Описании Вселенной» Алана Малле 1683 г., а в 1729 г. – в «Занимательной галерее мира» Питера ван дер Аа. План Ормузской крепости в Персидском заливе, бывшей в XVI–XVII вв. предметом ожесточенного соперничества арабов, португальцев, персов и англичан, впервые встречается на карте 1648 г. из «Книги городов и крепостей Восточной Индии» (*Plantas das Cidades e fortalezas da conquista da India Oriental*) португальца Жуана Тейшейры Альбернаша, затем – в издании 1674 г. Мануэля де Фариа «Португальская Азия» (*Asia Portuguesa*), позже – в «История открытия и завоевания португальцами Нового света» (*Histoire des*

⁶⁹ Palomino, J.-F. Entre la recherche du vrai et l'amour de la patrie: cartographe la Nouvelle-France au XVIIIe siècle // Revue de bibliothèque et archives nationales du Québec. 2009. № 1. P. 84–99 (см. также: http://www.banq.qc.ca/documents/a_propos_banq/nos_publications/revue_banq/revue1_2009_BAnQ-complet.pdf).

découvertes et conquêtes des Portugais dans de Nouveau monde) 1733 г. и наконец – в «Новом собрании путешествий» (*A New General Collection of Voyages and Travels*) Тома Астли и Джона Грина, опубликованном в 1745–1747 гг. в Лондоне. В 1748 г. эта версия плана Ормуза в исполнении Якоба ван дер Шлее, видного гравера из Амстердама, сотрудничавшего с Белленом, вышла в лейпцигском издании «Всемирной истории путешествий» (*Histoire générale des voyages*) аббата Прево, а в 1760 г. – в голландском издании.

Ссылался Беллен и на русские источники, хотя чрезвычайно редко. Его карта Курильских островов имеет ссылку: «С русской карты». На карте Финского залива из «Малого морского атласа» есть примечание: «Следует русским картам». Известная «Карта Северного океана, включающая проход между Азией и Америкой» составлена, как гласит название, «согласно открытиям, сделанным русскими».

Но все же большинство карт и планов Беллена ссылок на первоисточники не имеет и авторы их неизвестны. К последним относится и план Астрахани из «Малого морского атласа».

Петровские геодезисты в Астрахани

Перечисленные отражения городских реалий, а также стилистические и прочие особенности уточняют время создания рассматриваемого чертежа из ОР БАН как период между 1720 и 1722 гг. Зафиксированные здесь астраханский Аптекарский огород, учрежденный в 1720 г., а также Сретенский Долбилов монастырь, в 1722 г. упраздненный, – наиболее яркие индикаторы этих хронологических рамок.

Кто мог составить в те годы этот план Астрахани? Ответ дают источники по истории картографии петровского времени. Известно, что 9 декабря 1720 г. вышел указ Петра, положивший начало систематической инструментальной съемке территории страны: «Учеников, которые в Санктпетербургской (Морской. – Е. Г.) академии геодезию и географию обучали, тех послать в губернии для сочинения ландкарт...»⁷⁰. 14 декабря последовало «доношение» директора Морской академии Г. Г. Скорнякова-Писарева, отвечавшее на царский указ. Говоря о своих подопечных, которые должны быть посланы «в губернии», директор привел «реэстр» уже разосланных – «сколько куда в россылах». Именно в этом списке значатся «в Астрахани: Игнатий Чичерин, Аверкий Толубеев, Андрей Сипягин и Григорий Макаров»⁷¹.

О том, что они добрались до Астрахани, свидетельствует документ из астраханского архива времени Персидского похода, сообщающий, что незадолго до него в Астрахань прибыл геодезист Игнатий Чичерин с учениками «для описи разных мест»⁷². Их работу в Астраханской губернии фиксируют другие аутентичные источники. «Список Санктпетербургской академии

⁷⁰ О посылке учеников из С. Петербургской Академии для сочинения ландкарт // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1830. Т. 6. № 3682. С. 266.

⁷¹ Цит. по: *Фель С. Е.* Картография России XVIII в. М., 1960. С. 82.

⁷² Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 33. Л. 32.

служителем и школьником, которые из шляхетства, и кто имяны и у каких дел...» перечисляет всю нашу четверку «обретающейся» в феврале 1723 г. в Астраханской губернии⁷³. Другой документ гласит, что указанные геодезисты в 1726 г. явились в Сенат «и той губернии [Астраханской] лант карту подали»⁷⁴. Собственные их прошения и сенатская справка января 1732 г. говорят об «ими сочиненных и представленных в 1726 г. в Правительствующий Сенат и Камер-коллегию ландкартах Астраханской губернии»⁷⁵. Наконец, гравюра из атласа Кирилова «Карта Волги реки от Саратова до морского устья» имеет в картуше указание авторов: «Описывали и рисовали геодезисты Аверкий Тулубеев с товарищи»⁷⁶.

Инициатором геодезических работ в Астрахани, начавшихся до петровского указа о «сплошной» съемке страны, стал, несомненно, губернатор А. П. Волынский, направляемый державной волей Петра. Назначенный на этот пост 15 марта 1719 г. и ознакомившийся на месте с положением дел, он направил в Сенат известное «Донесение» от 30 июня того же года. В этой своего рода программе обустройства края новоиспеченный губернатор писал о нехватке специалистов, среди которых в пункте 18 просил «определить в Астрахань искусного инженера и несколько из кондукторов или из учеников, понеже там есть в том нужда для осмотра крепостей и мест тамошних»⁷⁷. Поясним, что кондукторами называли тогда военных чертежников, а «осмотрением» и «описанием мест» – съемку и картографирование территории. Сенат указом от 6 июля 1720 г. утвердил предложения Волынского, фактически превратив их в инструкцию. В ответ на цитированный пункт 18 астраханскому губернатору поручалось провести «самые подробныя изыскания», «лично осмотреть места, удобныя к поселению, описать их все, составить им специальные чертежи и подробную карту»⁷⁸.

Из вышеизложенного следует, что названная четверка геодезистов прибыла в Астрахань вследствие запроса Волынского и последовавшего на него указа Сената, а значит – в период между 6 июля и 14 декабря 1720 г.⁷⁹

⁷³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1723 г. Д. 33. Л. 120. Благодаря Павла Александровича Кротова, сообщившего мне об этом документе и продиктовавшего ссылку на него.

⁷⁴ Цит. по: Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1882. Т. 3. Указы в Адмиралтейств-коллегию. № 664. С. 400.

⁷⁵ Цит. по: Иванов П. И. Обзорение геодезических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 году // Записки Императорского Русского географического общества. 1853. Кн. 9. С. 439.

⁷⁶ «Атлас Всероссийской Империи... Ивана Кирилова...» М., 1734 (см. также: <http://new.runivers.ru/bookreader/book43120/#page/37/mode/1up>).

⁷⁷ Донесение в Сенат в 1719 г. А. П. Волынского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 241.

⁷⁸ О даче Астраханской губернии губернатору Волынскому инструкции... // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1830. Т. 6. № 3609. С. 214–215.

⁷⁹ Отметим, что связь с Волынским прослеживается и в дальнейшей карьере двоих из нашей четверки: в 1730-х гг. Толубеев и Сипягин служили в разных подразделениях возглавлявшегося им дворцового конюшенного ведомства (здесь существовала специальная команда геодезистов). Более того, Андрей Сипягин служил в доме Волынского – «обучал арифметике и геометрии» детей Артемия Петровича (*Курукин И. В.* Артемий Волынский. М., 2011. С. 212).

Сведения о работавших в Астрахани картографам в литературе не столь подробны, как о некоторых других петровских геодезистах⁸⁰, тем не менее на каждого из нашей четверки есть «досье» в «Каталоге Гольденберга»⁸¹ – коллекции материалов, опубликованных А. В. Постниковым⁸². Из них следует, что съемки в Астраханской губернии были для всех четверых первой самостоятельной профессиональной работой, а для Чичерина и Макарова, похоже, и последней; сведения о геодезических занятиях Толубеева и Сипягина в разных ведомствах продолжаются до середины XVIII в.

Список русских геодезистов, составленный Ф. А. Шибановым, прибавляет важную подробность – время поступления каждого на «государеву службу», т. е. на обучение в Математико-навигационную школу⁸³. Эти данные позволяют понять, почему Чичерин прибыл в Астрахань геодезистом, а остальные – учениками: он был самым старшим – если не по возрасту, то по годам учебы (напомним, что документ астраханского архива называет прибывших «геодезист Чичерин с учениками» – это означало, что Чичерин уже получил звание геодезиста, тогда как другие, не успевшие закончить высший этап обучения, имели пока звание «геодезии учеников»).

Вторым по старшинству был тот самый Аверкий Толубеев, которым подписана «Карта Волги реки от Саратова до морского устья». Он был, по-видимому, неформальным лидером группы, наиболее энергичным, ответственным, продуктивным, о чем говорят и упомянутая подпись на карте, и едва ли не самый длинный перечень его геодезических занятий, выявленных по документам и перечисленных в «досье» Гольденберга. Добавим к ним два неопубликованных чертежа из ОР БАН: «План пристани при впадении сплавной реки Ташевки в Волгу»⁸⁴ и «План Беловольской пристани на реке Волге»⁸⁵. Для нас важно, что оба чертежа имеют много общего с рассмотренным планом Астрахани: пиктограммы «хором на пристани», здания церкви, крестьянских домов, холмики рельефа, напоминающие «соляные бугры» у Астрахани, значки-деревья в пойме реки, подобные обозначениям астраханских садов – во многом узнается тот же почерк. Но на этих чертежах, датированных второй четвертью XVIII в., стоит, в отличие от рассматриваемого плана, авторская подпись: «Geodesiste Averkai Toloubiev». Очевидно, со временем укреплялось профессиональное самосознание автора, а кроме того в России приживалось обыкновение подписывать свои работы.

Подпись Толубеева есть еще на одном примечательном документе – «доношении» 37 геодезистов января 1732 г., вошедшем в историю отечественного межевания как иллюстрация борьбы разных европейских «школ» геодези-

⁸⁰ На первую половину XVIII в. выявлено геодезистов, преимущественно выпускников Навигационной школы и Морской академии, по данным Ф. А. Шибанова – 245, а по данным Л. А. Гольденберга – 275 человек. По сложившейся традиции в литературе их называют петровскими геодезистами – по времени формирования.

⁸¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Каталог петровских геодезистов Л. А. Гольденберга. № 129, 180, 206, 229.

⁸² Постников. Карты земель российских... С. 184, 189, 191, 192.

⁸³ Шибанов Ф. А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971. С. 44–45.

⁸⁴ ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 530.

⁸⁵ Там же. № 731.

ческой съемки на отечественной почве («борьба между теодолитом и мензулой»), а также как проявление роста самосознания русских геодезистов. Некий «иноземец Гохмут» из Лифляндии, ревизовавший работу по размежеванию земель, донес в Сенат, что «те геодезисты землемерного дела науку знают весьма мало [...] и хотя у них астролябия и есть, но с оным инструментом в землемерном деле подлинного действия учинить невозможно...». Возмущенные этим отзывом, русские специалисты, имевшие за плечами более чем десятилетний опыт работы, категорически возразили:

Оной иноземец Гохмут [...] инструменты наши объявил, что они к тому межевому делу негодны, а предъявил свой инструмент, которой к нашей должности к тому межевому делу и негоден [...] И объявил [...] что мы, низайшие, по его объявленному инструменту межевать не умеем и геодезической должности не знаем. А мы [...] в той науке Ея Императорского Величества служим у описи ландкарт и у межевания земель с означенным инструментом феодалитом безпорочно, в чем нас [...] в той науке свидетельствовал Санкт-Петербургской академии Г-н профессор Фархварсон, а какая наша наука, о том известен Правительствующий Сенат.

И представили для убедительности плоды своих трудов: «И при сем для лучшего свидетельства предъявляем [...] ландкарты и планы, у которых мы, нижепоименованные, у дел были»⁸⁶. Третьей среди 37 «нижепоименованных» стоит подпись «Аверкия Тулубьева» – не исключено, что он был одним из инициаторов этого акта изъятия профессионального достоинства⁸⁷.

Возвращаясь к плану Астрахани, обратим внимание на то, что результатами съемок петровских геодезистов были не только карты уездов, провинций, губерний, но и планы городов. Так, инструкция Сената геодезистам, направлявшимся в 1732 г. в Сибирь, гласила: «Учинить каждому городу ландкарту, а под теми ландкартами всякому месту учинить опись, какие те места и угодыя и чем довольствуются»⁸⁸. Сохранилось таких планов немного: в атлас Кирилова попало лишь несколько чертежей подобного жанра – планы городов «Иркуцка», Удинска и нескольких сибирских крепостей, помещенные на один лист (рис. 14); в ОР БАН хранится чертеж «План или положение места города Кашина...», «сочиненный и рисованный» Моисеем Сметьевым и Алексеем Жихмановым в декабре 1733 г.⁸⁹; известны и некоторые другие. Однако все они, кроме «мичуринского» плана Москвы, а также планов Петербурга, не стали до сих пор объектом серьезного анализа. Лишь в одной из работ

⁸⁶ Цит. по: Материалы к истории межевания (из дел Архива Министерства юстиции) // Межевой вестник. 1884. № 8. С. 59–62. См. также: *Герман И. Е.* История межевого законодательства от Уложения до генерального межевания (1649–1765). М., 1893. С. 306–307.

⁸⁷ Добавим, что сенатские чиновники взяли в этом конфликте сторону важного иноземца: его «обнадежили», что «награждение ему учинено будет особом», а геодезистов, «о которых он написал, что оные в науке, принадлежащей к межевому делу не искусны», постановили «для окончания той науки» отослать в Академию наук (Там же).

⁸⁸ Цит. по: *Гольденберг Л. А.* Малоизученные источники по истории картографии России первой половины XVIII в. // Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 3. С. 88.

⁸⁹ ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 746.

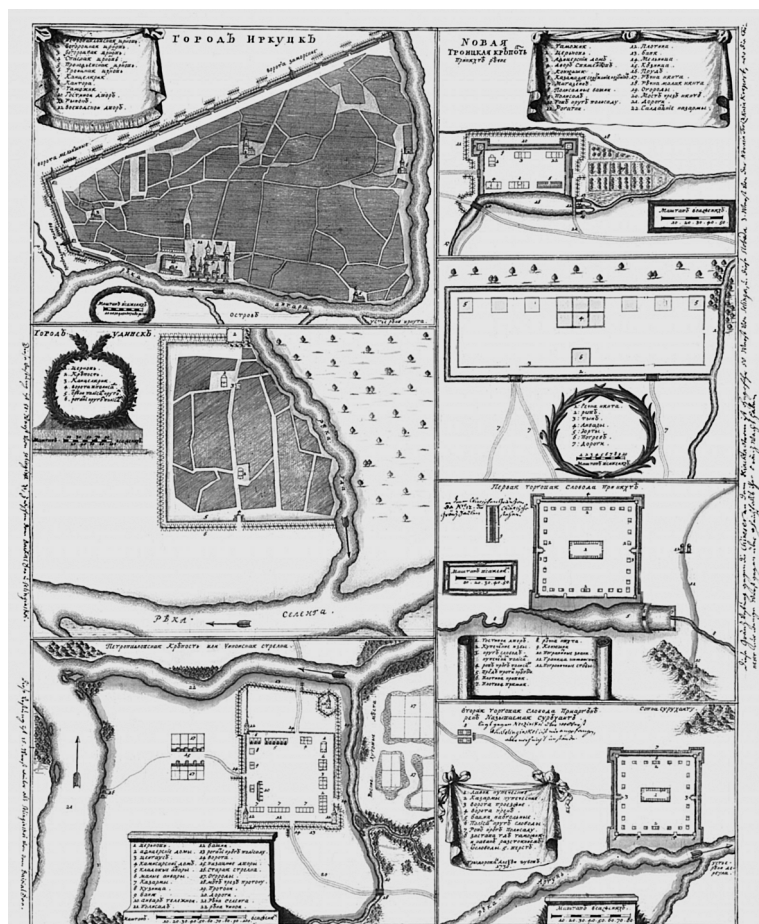

Рис. 14. Планы сибирских городов и крепостей из «Атласа Всероссийской империи» И. К. Кирилова 1734 г.

отмечается, что картографированию городов при съемках петровских геодезистов «уделялось большое внимание», что планы городов в первой четверти XVIII в. «нередко продолжали составляться в древнерусской картографической манере», а с 30-х гг. XVIII в. по мере совершенствования методов съемок «решительным образом меняется картографический стиль составления планов городов и крепостей» –

исчезают физиогаммы с рисунками, уступив место планам, основанным на инструментальной съемке с использованием масштаба и единообразных условных обозначений, а со второй половины XVIII в. – и унифицированной раскраски⁹⁰.

⁹⁰ Постников. Карты земель российских... С. 42–43.

Ранние чертежи петровских геодезистов были действительно далеки от совершенства. Вот отзыв обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, руководившего государственными съемками, об одной из работ его подчиненных 1721 г.: «Ландкарты прислали они самого худого рисования»⁹¹. Другой пример – посылка геодезистов Якова Оголина и Якова Есенева «для сочинения вновь и поверения прежних» чертежей вместо первоначальных исполнителей, поскольку из составленных теми и присланных в Сенат 18 планов «приписных к Москве» городов 10 «оказались неисправны»⁹². В 1721 г. каждому геодезисту вручили сенатскую инструкцию «Пункты, каким образом сочинять ландкарты», в 1723 г. была разослана дополнительная; многочисленные инструкции составлялись и позже. Кирилов добивался единообразия, «совершенствования методики угломерной съемки», увеличения числа изображаемых географических объектов.

Констатируя влияние разных европейских школ на формирование научной картографии в России, специалисты в то же время выявили «национальную методику», принятую для русских съемок первой трети XVIII в., назвав ее «талантливо задуманной системой сочетания точных съемок с использованием расспросов»⁹³. «В связи с ограниченностью времени и средств [...] широко использовалась ускоренная и упрощенная методика, сочетавшая инструментальные определения с опросами»⁹⁴. Съемки, проводимые по этой методике, назывались полуинструментальными или рекогносцировочными: для измерения линий употреблялась железная «мерительная» цепь длиной в 10 или 30 сажен, измерения румбов производились астролябией или «феодолитом» с диоптрами и компасом, а кроме того, предписывалось выявлять расстояния «по скаскам обывателей». Обусловленная историческим моментом методика принесла свои плоды:

Элементарная постановка дела, соответствовавшая уровню техники того времени, не обеспечивала точности, но служила залогом выполнения государственных карт в сравнительно короткий срок⁹⁵.

Рассматриваемый чертеж с планом Астрахани, хотя и выполненный, как следует из вышеизложенного анализа, около 1721 г., но, будучи неверно датированным в описании Александрова, не рассматривался до сих пор исследователями трудов петровских геодезистов. С первого взгляда бросаются в глаза несовершенства этой работы, ее ученическая наивность. Тем не менее, разглядев чертеж в подробностях, мы начинаем понимать, что все не так просто. Например – о пустом пятне на месте низины с солончаковым болотом. Отсутствие здесь обозначений дало основание составителю цитированного описания из каталога чертежей ОР БАН утверждать, что на плане показана лишь часть посада, т. е. он фактически не завершен. Однако, вникнув в «кухню» русских

⁹¹ Цит. по: Гольденберг. Малоизученные источники... С. 90.

⁹² Там же.

⁹³ Естеев О. А. В. Н. Татищев и русские государственные съемки первой половины XVIII в. (по материалам фонда Сената ЦГАДА) // Вопросы географии. 1958. Вып. 42. С. 130.

⁹⁴ Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 39–41.

⁹⁵ Салищев К. А. Картоведение. М., 1990. С. 333.

съемок первой четверти XVIII в., мы поймем, что к моменту появления нашего плана еще не вполне сформировались требования к составлению чертежей. Только в инструкции 1723 г., называвшейся «Реэстр, что при сочинении ландкарт в пополю (в дополнение. – Е. Г.) описывать и примечать надлежит, чего в присланных ландкартах не находитца», предписывалось обозначать «знатные горы, леса, степи, *болота* (курсив мой. – Е. Г.)». Значит, до этого обозначения болот не требовалось. Лишь после того как первые поступившие с мест ландкарты разочаровали Кирилова «бедностью содержания»⁹⁶, появилась такая номенклатура отражаемых объектов. Но план Астрахани к тому времени был закончен, новая «номенклатура» в него не попала: болота и солончаки не были отмечены. Зато наш чертеж остался редчайшим документом, иллюстрирующим ранний этап деятельности петровских геодезистов.

Сравнение этого плана Астрахани с упомянутыми планами Иркутска и Удинска из атласа Кирилова убеждает, что последние еще более наивны, архаичны и схематичны и куда менее информативны, чем наш чертеж. То же можно сказать о плане города Кашина геодезистов Сметьева и Жихманова из собрания ОР БАН. Сегодня недостатки рассматриваемого чертежа очевидны, однако судить о нем следует по критериям его времени. Есть свидетельство того, что Кирилов, отвергавший неисправные чертежи и добивавшийся необходимого качества, этим планом Астрахани был доволен. Таким свидетельством является чертеж, хранящийся в РГВИА, – план Астрахани с датой «1726 г.» и подписью кондуктора Ивана Дурова⁹⁷ (рис. 15).

План этот полностью воспроизводит наш чертеж из ОР БАН. Добавлен хотя и важный, но все-таки служебный элемент – компасная картушка. Главным же образом модернизированы «декорации» астраханского плана: наивный рисунок обрамления экспликации заменен вычурным картушем в стиле северонемецкого барокко, русло Волги «оживлено» изображением трехмачтового корабля, а свободные участки листа «украшены» грядами условных «холмиков», ничего общего с реальным рельефом не имеющих. Очевидно, исполнитель чертежа 1726 г. в Астрахани не бывал, а лишь совершенствовал его оформление.

По-видимому, кондуктор Иван Дуров, копировавший план для «Главной канцелярии артиллерии и фортификации»⁹⁸, делал копию с копии, т. е. «снятый» им чертеж уже был переработкой наивного рисунка наших геодезистов. Известно, что в Сенате у Кирилова служили специалисты для «камеральных» работ –

⁹⁶ Новлянская М. Г. Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII в. М.; Л., 1964. С. 41.

⁹⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2397. Опубликовано: Воробьев А. В. К 400-летию города Астрахани // Архитектура СССР. 1956. № 8. С. 41.

⁹⁸ Об этом свидетельствует то, что подписанный им чертеж сохранился в военном архиве, а также звание Дурова – кондукторами называли чертежников именно в военно-инженерном ведомстве. К тому же имени Ивана Дурова нет ни в одном из списков сенатских геодезистов, зато он упоминается в труде об истории военно-инженерного дела (Савельев А. Исторический очерк Инженерного управления в России. СПб., 1879. Ч. 1. С. 49, 185). О том, что кондукторы направлялись и в Сенат, и в Географический департамент Академии наук за чертежами для нужд «Главной артиллерии и фортификации», есть подтверждения в источниках (см.: Протоколы Географического бюро // Источники по истории астрономии в России XVIII в. СПб., 2000. Т. 1. С. 165).

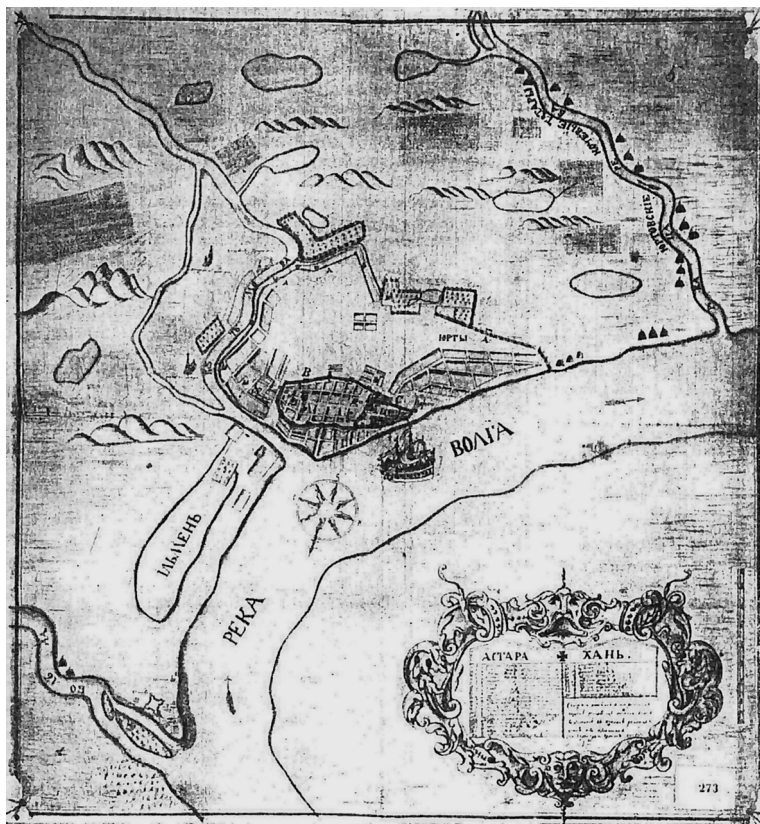

Рис. 15. Рукописный план Астрахани 1726 г. с подписью кондуктора Ивана Дурова, РГВИА. Воспроизводится по изданию: Воробьев А. В. К 400-летию города Астрахани // Архитектура СССР. 1956. № 8. С. 41

«срисования» присланных ландкарт «в одну меру», т. е. один масштаб⁹⁹. Но главное для нас в данном случае – сенатские специалисты готовили чертежи к гравированию для публикации в задуманном Кириловым «Атласе Всероссийском»: «Также планы всех городов срисовать в одну препорцию, дабы одна книга была ландкарт, а другая планы городов...»¹⁰⁰. Ведь Кирилов предполагал издать свой атлас в трех томах по 120 листов в каждом. Установлено, что за период с 1726 по 1737 г. успели подготовить к изданию 37 чертежей, из которых на сегодня обнаружены 28¹⁰¹. По-видимому, план Астрахани также должен был войти в этот проект, оставшийся из-за смерти Кирилова незавершенным. Копия Ивана Дурова, повторившая сенатский чертеж, сделавший неуверенный опус наших геодезистов более репрезентативным, может свидетельствовать о том, что их план был сочтен достойным включения в кириловский атлас.

⁹⁹ Фель. Картография России XVIII в.... С. 154.

¹⁰⁰ Цит. по: Новлянская. Иван Кириллович Кирилов... С. 51.

¹⁰¹ Там же. С. 66.

Таким образом, чертеж из РГВИА является исполненной Иваном Дуровым копией, причем снятой, похоже, не с исходного, доставленного из Астрахани плана, а с сенатской его копии. Составляли же хранящийся в ОР БАН первоначальный чертеж геодезисты, направленные в Астрахань летом – осенью 1720 г., – Игнатий Чичерин, Аверкий Толубеев, Андрей Сипягин, Григорий Макаров.

Не случаен и 1726 г., которым датирован подписанный Дуровым чертеж, – именно в этом году названная четверка геодезистов представила чертежи Астраханской губернии в Сенат. Помимо плана Астрахани, «столицы» губернии, они выполнили чертежи других городов и территорий, входивших в состав обширнейшего края. По разным источникам выявляются сделанные тогда же карты «Астраханской губернии провинций» – «Синбирской и Саратовской», «Астраханской с городами»¹⁰², карты «уездов Петровского и Самарского Астраханской провинции»¹⁰³, «Карта, на которой положены степные места от Царицынской линии между рек Волги и Дона»¹⁰⁴. Особого внимания в приведенном перечне заслуживает пункт «Астраханская [провинция] с городами» – в документе 1737 г., известном как «Каталог Делиля», этот пункт подробно расписан и содержит названия более двадцати городов, которые были «сняты» (*levée*), т. е. картографированы; среди них Астрахань, Сызрань, Петровск, Черный Яр, Красный Яр, Царицын, Дмитриевск, Саратов, Самара, «Терек», «Гурьев Яицкой», Симбирск, Алексеевск и др.¹⁰⁵ Подчеркнем, что эти названия в указанном каталоге снабжены номерами, заимствованными из списка чертежей, переданных в Академию наук из Сената в декабре 1726 г.¹⁰⁶, т. е. перечисленные чертежи составлены не позднее 1726 г., а значит – нашими геодезистами. Именно этот объем картографических работ заставил их «обретаться» в Астраханской губернии более пяти лет.

Резюмируем доводы, подтверждающие авторство названной четверки геодезистов в отношении рассматриваемого рукописного плана Астрахани. Во-первых, это полное совпадение времени работы указанных геодезистов в Астрахани с периодом существования отраженных на чертеже городских реалий. Во-вторых, острейший дефицит специалистов-картографов, зафиксированный документами, в том числе фразой из донесения Скорнякова-Писарева на требование Сената о рассылке их по стране – «а только оных и нет во академии налицо», а также тот факт, что в Астрахань был послан лишь один «дипломированный» геодезист, а остальные – недоучившиеся («геодезии ученики»), значит, других профессиональных исполнителей для такого плана в те годы попросту не было. В-третьих, наличие на чертеже и плановых, и

¹⁰² Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 3. С. 213.

¹⁰³ Утин Г. Н. Новое о собраниях русских карт первой половины XVIII в. в Париже // Известия Академии наук СССР. Сер. географическая. 1981. № 2. С. 130.

¹⁰⁴ Постников А. В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // ВИЕТ. 2005. № 3. С. 22. Нельзя согласиться с датировкой этого чертежа началом XVIII в., так как Царицынскую линию строили в 1718–1723 гг., а значит, карта с изображением этих укреплений могла появиться только после 1718 г.

¹⁰⁵ Материалы для истории Академии наук... Т. 3. С. 496.

¹⁰⁶ Материалы для истории Академии наук... Т. 1. С. 214–215.

«фронтальных» изображений, неполнота номенклатуры географических объектов, отсутствие унификации условных знаков, произвольное использование цвета, «пестрота и кустарность», с которыми боролся Кирилов начиная с инструкции 1723 г. Подтверждением может служить и использование в обозначении масштаба рейнландских футов, характерное для учеников Навигацкой школы и Морской академии, каковыми были участники группы, направленной в Астрахань, а не питомцев, скажем, Инженерной школы военного ведомства. Наконец, наивность графики рассматриваемого чертежа, неотработанность профессионального почерка хорошо согласуются с тем фактом, что съемки в Астрахани были первой самостоятельной работой названных геодезистов.

Секретная миссия астронома Делиля

Несмотря на отмеченные несовершенства, составленный петровскими геодезистами план Астрахани был сочтен достойным, как мы убедились, включения в фундаментальный французский атлас.

Но как попал русский чертеж к составителю этого атласа? Ответ дает рассмотрение деятельности Ж.-Н. Делиля – французского астронома, поступившего на службу в Петербургскую академию наук по приглашению Петра I и более 20 лет работавшего в России. Известно, что за эти годы Делиль тайно переправил во Францию сотни русских чертежей (как копий, так и подлинников) и других географических документов (описания и журналы геодезистов, инструкции И. К. Кирилова, «наказы» геодезистам В. Н. Татищева, статейные списки русских послов). Теперь эти материалы – «гигантский корпус уникальных источников по истории России» – хранятся в нескольких французских собраниях: в Национальной библиотеке в Париже, Национальном архиве Франции, Центральном архиве Военно-морского флота.

Об этой стороне службы Делиля в России было известно уже его современникам – коллегам по Петербургской академии наук: о ней ходили слухи, «публично» говорил Даниил Бернулли, писал И. Д. Шумахер, с ней пытался бороться президент академии барон И. А. Корф¹⁰⁷. В научной литературе существует целая традиция освещения этой деятельности Делиля. В XIX в. о ней упоминали историки русской науки К. Свенске и П. П. Пекарский. В 1910-е гг. документы самого Делиля, подтверждающие эти факты, опубликовали французские специалисты: Альбер Инар, хранитель карт и планов Национальной библиотеки в Париже, составил биографию Делиля и описание его картографических коллекций¹⁰⁸; Анри Омон, генеральный ин-

¹⁰⁷ «Из письма барона Корфа к графу Остерману оказывается, что Географический департамент учрежден при Академии (речь об оформлении *de jure* в 1739 г. подразделения, существовавшего *de facto* уже более 10 лет. – Е. Г.) [...] отчасти по недоверию к Делилю, которого подозревали, что он, имея в распоряжении все карты, присылаемые в Академию, приказывал копировать их с целью передачи потом за границу» (Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 131–132).

¹⁰⁸ Isnard, A. Josef-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection des cartes geographiques à la Bibliothèque nationale // Bulletin de la section de géographie du Comité des Travaux historiques et scientifiques. Paris, 1915. Vol. 30.

спектор той же библиотеки, опубликовал переписку Делиля с королевским библиотекарем Биньоном и морским министром Морепа¹⁰⁹, поручившим ученому перед отъездом в Россию вышеозначенную «службу на пользу Франции»¹¹⁰. О том, что «деятельность Делиля в России не ограничивалась одной только наукой», писали и советские ученые¹¹¹. В 1960–1980–2000-е гг. отечественные специалисты, познакомившись с материалами Делиля во французских собраниях, призывали к их «научной публикации на русском и французском языках в рамках двустороннего исследовательского проекта ученых России и Франции»¹¹².

Однако в последние десятилетия появилась и другая точка зрения на Делиля, игнорирующая предшествующую традицию и отрицающая указанную сторону его деятельности¹¹³. Отсюда вытекает необходимость уточнения

¹⁰⁹ Omont, H. Lettres de J.-N. Delisle à comte Monrepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques // Bulletin de la section de géographie du Comité des Travaux historiques et scientifiques. Paris, 1917. Vol. 32.

¹¹⁰ Ж.-Фр. Филиппо, граф де Морепа в 1723–1749 гг. был государственным секретарем, т. е. министром военно-морского флота, ведавшим также делами колоний. 22 июня 1725 г. в замке Шантийи Делиль получил разрешение на службу в России от короля, но прежде министр Морепа сформулировал особые условия этого разрешения: Делиль «будет заниматься географическими работами, из которых может извлечь пользу Франция», как деликатно пишет французский биограф (Isnard. Josef-Nicolas Delisle... P. 39, 44).

¹¹¹ Кордм В. А. Матеріали до історії картографії України. Київ, 1931. С. 62 (см. также: <http://lawdiss.org.ua/books/a1804.doc.html>); Лебедев Д. М. География в России Петровского времени. М.; Л., 1950. С. 254–256; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном ледовитом и Тихом океанах. М., 1950. С. 200–207.

¹¹² Постников. Новые данные о российских картографических материалах... С. 38. См. также: Салищев К. А. Собрание русских карт первой половины XVIII в. в Париже (коллекция акад. И. Н. Делиля) // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1960. № 4. С. 104–110; Утин. Новое о собраниях русских карт... С. 126–131.

¹¹³ Эта точка зрения представлена главным образом работами Н. И. Невской, опубликованными как в отечественных, так и французских изданиях (например, Nevskaja, N. I. Joseph Nicolas Delisle (1688–1768) // Revue d'histoire des science et de leurs applications. 1973. T. 26. № 4. P. 289–313 (см. также: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rhs_0151-4105_1973_num_26_4_3365); Невская Н. И. Жозеф Никола Делиль и Петербургская Академия наук (XVIII в.) // Вопросы истории астрономии. М., 1974. Сб. 3. С. 82–93; Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984; Невская Н. И. Новое об астрономах Петербурга (XVIII в.) Л., 1990; Невская Н. И. Источники по истории астрономии в России XVIII в. СПб., 2000. Т. I. С. 262; Nevskaja, N. Joseph Nicolas Delisle // Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 242–245).

Способ обращения Невской с источниками столь конъюнктурен, что может быть назван манипуляциями. Так, называя себя не только составителем сборников документов, но и переводчиком, она считает необходимым заново перевести письма Делиля и другие источники, уже переведенные и опубликованные такими авторитетными историками науки, как Ю. Х. Копелевич и В. Л. Ченакал, – дорожа, якобы, малейшими нюансами информации о своем герое, – но при этом не находит нужным перевести ни письма Делиля из России, опубликованные на французском языке, ни его биографию, составленную по его бумагам, хранящимся во Франции. И это понятно – они содержат сведения, опровергающие трактовку Невской деятельности Делиля в России. О скандально известной карте, составленной Делилем для Второй Камчатской экспедиции и приведшей к гибели Витуса Беринга и половины его команды, Невская также не упоминает, как и о его интригах по устранению Л. Эйлера от работы над академическим атласом, а также о письме Делиля, где он признается, что не является ни географом, ни картографом.

роли и места этого ученого в истории российской картографии, основанного на тщательном, непредвзятом анализе первоисточников. Главное же – нужна организация масштабного двухстороннего проекта по изучению русских коллекций Делиля во Франции и их научной публикации, в том числе – на русском языке.

Здесь же отметим три момента, свидетельствующие о причастности Делиля к попаданию созданного петровскими геодезистами плана Астрахани во Францию.

Во-первых, это приложенный к известному письму А. В. Макарова Л. Л. Блументросту от 30 декабря 1726 г. «реэстр» чертежей, переданных по указу Екатерины I Делилю в ответ на его «охотное желание» заняться географией России. В пункте 57 этого «реэстра» значатся «ландкарты» Астраханской провинции «с городами (курсив мой. – Е. Г.)»¹¹⁴. Среди «городов» был, конечно, и наш план Астрахани (ведь именно в 1726 г. четверка геодезистов представила астраханские чертежи в Сенат, а в письме Макарова упоминается сенатский обер-секретарь Иван Кирилов) – других подобных чертежей в условиях острого дефицита специалистов и раннего этапа геодезической деятельности в России тогда быть попросту не могло.

Вторым свидетельством является инвентарная помета на самом чертеже – число «94», стоящее рядом с картушем экспликации (см. рис. 12). Судя по почерку, это один из самых ранних каталожных номеров на документе, и он согласуется с упоминанием чертежа № 94 в письме Делиля Кирилову от 29 сентября 1730 г., в котором французский ученый оправдывается перед сенатским обер-секретарем в задержке исполнения Генеральной карты Российской империи, для которой ему, собственно, и доставили «российския карты все, что их есть» по указу императрицы. Делиль заключает письмо перечнем «Нумеры картам, кои имеются у меня из Правительствующего Сената», в котором встречаем и «номер» 94¹¹⁵. Его совпадение с пометой на нашем чертеже, представленном прибывшими из Астрахани геодезистами именно в Сенат, свидетельствует о том, что с их планом работал Делиль. Работа же его, как недвусмысленно писал французский биограф, заключалась в копировании чертежей для переправки во Францию: «С первых лет своего пребывания в России Делиль занимался доставкой во Францию скопированных и отредактированных им карт»¹¹⁶.

Третье – это 1754 год, которым датирует план Астрахани в своей книге Бродель. Мы убедились, что указанный год не мог быть временем составления чертежа, однако эта дата совсем не случайна. Именно в 1754 г. собрание Делиля было куплено по указанию Людовика XV и «поделено между Депо морского ведомства и Королевской библиотекой»¹¹⁷. Очевидно, год

¹¹⁴ Материалы для истории Академии наук... Т. 1. С. 215.

¹¹⁵ Свенке К. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорской Академией наук в 1745 г. Собраны из Архива Императорской Академии наук // Приложение к IX т. Записок Императорской Академии наук. СПб., 1866. С. 96.

¹¹⁶ Isnard. Josef-Nicolas Delisle... P. 56.

¹¹⁷ Ibid. P. 34.

появления манускриптов Делиля в библиотеке Бродель ошибочно принял за время составления плана, предоставив нам, таким образом, еще одно свидетельство причастности Делиля к его появлению во Франции ¹¹⁸.

Окончательным подтверждением факта «доставки» нашего «астраханского» плана во Францию именно Делилем может оказаться план Астрахани, хранящийся в собрании Центрального архива Военно-морского флота в Венсене – в коллекции Гидрографической службы, представляющей собой 71 том карт, из которых три тома (53–55) содержат материалы о России. В томе 53 под № 98В значится рукописный цветной план Астрахани, а под № 98А – перечень обозначений на плане, включающий 43 наименования ¹¹⁹. Если это делилевская копия нашего чертежа, то указанные 43 пункта экспликации против 25 пунктов, имеющих на подлиннике, могут означать, что Делиль работал также и с текстами указанной четверки геодезистов – журналами и описаниями, откуда взял дополнительные сведения. Очень жаль, что принадлежность материалов к собранию Делиля в каталоге архива теперь не обозначается ¹²⁰.

Напомню, что получившее часть материалов Делиля Депо карт и планов морского флота – это то самое ведомство, которое возглавлял составитель «Малого морского атласа» Беллен. И там же стал служить после возвращения Делиль: сделка 21 января 1754 г. по передаче русских манускриптов в королевскую казну дала ему престижное место «астронома-географа военно-морского флота в Депо планов с содержанием в 3000 ливров в год и пожизненную ренту в 2000 ливров» ¹²¹.

Зачем Вольтер «собирался» в Астрахань

Возникает естественный вопрос: почему в «Малый морской атлас» Беллена попал план Астрахани – города глубоко континентального, далекого от океанских побережий и, казалось бы, от интересов французского морского ведомства? Более того, почему из всех городов Российской империи в этот атлас, помимо Петербурга, включен только план Астрахани? Ответ, очевидно, следует искать в геополитической истории.

¹¹⁸ О том, что дата почерпнута Броделем из материалов Национальной библиотеки Франции (бывшей Королевской), могут свидетельствовать приведенные им здесь же шифры этой библиотеки.

¹¹⁹ Благодарю Ольгу Алексеевну Красникову, встретившую эти материалы в названном французском собрании и сообщившую мне приведенные сведения.

¹²⁰ На эту тревожную тенденцию указывает авторитетный отечественный специалист: «Мои исследования русских фондов в архивах и библиотеках Франции [...] дают основание утверждать, что они сейчас пытаются “скрыть следы” шпионской (я не шучу) деятельности этого, простите за выражение, “картографа”. Когда я в первый раз работал во Франции (1987 г.), все фонды Ж.-Н. Делиля честно были озаглавлены как таковые, а в этом году я с удивлением обнаружил, что эти картографические коллекции расформированы и карты, раньше в них хранившиеся, разбросаны по региональным собраниям» (из письма А. В. Постникова автору статьи от 10 октября 2003 г.).

¹²¹ *Isnard. Josef-Nicolas Delisle...* P. 51.

Лишившись в ходе Семилетней войны большей части своих колоний, французы не собирались расставаться с ролью мировой державы. Потеряв в 1759 г. Квебек, на следующий год они провели ожесточенную военную кампанию, едва не отвоевав город у англичан. Утратив по Парижскому миру 1763 г. Канаду, острова Карибского бассейна, расставшись с надеждами на колонии в Индии, французское правительство активизировало поиски земель взамен утерянных (напомним, что «делами колоний» занималось во Франции то самое министерство, которое издавало «Малый морской атлас» и по заданию которого Делиль собирал в России географические материалы). Именно на поиски новых земель были направлены знаменитые морские экспедиции Л. Бугенвиля, Ж. Лаперуза, Н. Бодена, Ф. Перрона. Французские исследования проходили «наперегонки» с кругосветными плаваниями англичан — Д. Кука, Ч. Кларка, Д. Ванкувера и др. Одним из главных призов в этой гонке был Китай.

Торговля с Китаем, его шелк, фарфор и прочие изделия, были *idée fixe* французского капитала с эпохи Великих географических открытий, которая и началась поиском путей в Индию и Китай. Вспомним о финансировавшихся Франциском I плаваниях «веселого корсара» Жака Картье, открывшего на пути в Китай Канаду, о снаряженных Генрихом IV экспедициях Самюэля де Шамплена, продвигавшегося через Канаду к «Китайскому морю». Далеко идущие планы преследовал в Китае Людовик XIV, подчинивший своим интересам исследователей-иезуитов, выделявший их китайской миссии финансовые средства и новейшие инструменты, а также — «хлопотавший» перед «правительницей Софьей» о пропуске французских иезуитов в Китай *через Московию* ¹²². В XVII в. европейцы осознали, что «Московское государство и его азиатские владения представляют собой вполне вероятный и безопасный сухопутный “мост”» к Китаю, к странам Юго-Восточной Азии, «берегов которых с такими трудностями и потерями достигали их суда во время переходов, продолжавшихся многие месяцы, а иногда и годы» ¹²³.

Попытки наладить путь в Китай через Россию продолжались и в XVIII в. Малоизвестный, но любопытнейший факт открывается из переписки Вольтера с Екатериной II. Известно, что «фернейский патриарх», «умов и моды вождь», «султан французского Парнаса» был еще и коммерсантом, дельцом, спекулянтом с незаурядным нюхом на прибыль. В его письмах к Екатерине сначала словно бы в шутку звучит упоминание Астрахани, где хорошо бы «основать свое жилище, дабы наслаждаться удовольствием, живши под Вашими законами» ¹²⁴. Затем появляется тема переселения «моих фернейских колонистов», как пишет Вольтер, т. е. его часовщиков из Ферне, которых он «непрерывно препроводил бы в окрестности Астраханская» ¹²⁵. «Очень

¹²² И[коннико]в В. С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.). Киев, 1893. С. 17–18.

¹²³ Постников. Новые данные о российских картографических материалах... С. 17.

¹²⁴ Переписка российской императрицы Екатерины Второя с г. Волтером с 1763 по 1778 год. СПб., 1802. Ч. 1. С. 35.

¹²⁵ Там же. С. 193.

любопытно увидеть работу часовщиков ваших; есть ли бы вы основали поселение в окрестности Астрахани, то я сыскала бы предлог туда ехать, дабы вас увидеть», – отшучивалась в тон Екатерина ¹²⁶. Но далее уже без шуток обсуждаются вопросы поставки русской императрице и ее двору продукции «фернейской мануфактуры». Вольтер как заправский торговец рекламирует свой товар, обосновывает цены:

Поселенцы мои [...] надеются чрез неделю отправить к Вам 3 или 4 ящика часов ценою от осьми до осьмидесяти луйдоров. Между оными есть осыпанные бриллиантами с Вашими портретами, лучшими живописцами писанные [...] Ценою же оные третью долею дешевле против Англинских, а в доброте оным ни сколько не уступают... ¹²⁷

Но главное – искусно продвигается мысль об организации торговли часами через Россию с Китаем.

Сейчас, быть может, не время говорить о торговле стенными и карманными часами с Китаем, но Ваш всеобъемлющий ум делает все сразу. В этом, по-моему, и заключается истинное величие и истинное могущество... ¹²⁸

Женевцы уже завели небольшую торговлю часами в Кантоне; ваше величество могли бы открыть такую же [...] С доверенным человеком можно было бы посылать из Петербурга в Ферней заказы, с которыми здесь сообразовались бы... ¹²⁹

Моя колония поставляла бы серебряные часы по цене в 12–13 рублей, золотые не дороже 30–40 рублей и обязалась бы поставлять на 200 тысяч рублей в год, если понадобится... ¹³⁰

Напомню, что Китай не интересовали европейские товары – продукция китайских ремесленников была на порядок выше по качеству, чем то, что предлагала тогда Европа. Столкнувшись с европейцами, китайцы закрыли свой рынок для западных коммерсантов, и он был «вскрыт» лишь в 1850–1860-е гг. с помощью двух «опиумных войн», развязанных Англией и Францией ¹³¹. А в XVIII в. китайцев удалось заинтересовать только одним товаром: английский мастер Джеймс Кокс сумел наладить продажу китайскому двору своих хитроумных часов, оснащенных движущимися фигурками и музыкальными механизмами ¹³². Начинание Кокса успешно подхватил «гений механики» из

¹²⁶ Там же. С. 207.

¹²⁷ Там же. С. 217.

¹²⁸ Из писем Вольтера Екатерине II // Вольтер. Избранные произведения. М., 1947. С. 953.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 586.

¹³¹ Маркс К. Англо-китайский конфликт // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 105–110; Дементьев Ю. П. Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае. 1844–1862 гг. М., 1958.

¹³² Знаменитый пример продукции Д. Кокса – часы «Павлин» в Павильонном зале Эрмитажа (Тройницкий С. Н. Часовщик Джеймс Кокс // Старые годы. Март 1915. С. 38–42; Макаров В. Часы «Павлин». Л., 1960).

Швейцарии Пьер Жаке-Дро. Эти примеры не могли не вдохновить Вольтера, пытавшегося, используя отношения с русской императрицей, направить продукцию своих часовщиков ее «соседу» – «китайскому государю».

И Вольтер был не одинок в этих затеях. Екатерине II так досаждали подобные прожектеры, что она звала их «бешеными». Среди них – «шевалье Бернарден де Сен-Пьер», предлагавший основать на берегах Аральского моря республику европейских авантюристов, чтобы «цивилизовать дикий край и юные народы, уравнивать русский деспотизм и разнузданную татарскую вольницу», а главное – поставить под свой контроль торговлю Европы с Индией¹³³, граф Сигизмунд фон Регерн, предлагавший императрице создать гигантскую внешнеторговую компанию для завоевания Индии¹³⁴. Был еще план Дидро о водворении швейцарцев «на берегу Каспийского моря»¹³⁵. На этой почве в Европе появились особого рода проходимцы: некий барон Штейн присвоил себе титул «главного балы Астраханского царства», куда вербовал колонистов; парижанин Прекур де Сен-Лоран, «погибший» при конвоировании в замок Иф, «воскрес», представляясь «директором Екатеринбургской колонии иностранцев в Астраханском царстве»¹³⁶.

Астрахань в представлении европейцев была ключевым пунктом «удобного, безопасного и кратчайшего пути» через Россию в Персию, в Китай, в Индию – со времен агента английской Московской компании Энтони Дженкинсона, добравшегося в 1558 г. до Астрахани, а оттуда – в Персию и в Среднюю Азию для разведки возможностей торговли с Китаем¹³⁷. Совсем не случайно в XVII в. оказался в Астрахани Адам Олеарий, затем – французский иезуит Филипп Авриль¹³⁸, а в начале XVIII в. – голландец Корнелис де Бруин. В 1720-е гг. о торговле персидским шелком через Астрахань сообщал в Париж французский посланник Ж.-Ж. Кампредон¹³⁹. И наш знакомец Делиль, желая получить географические координаты российских городов, поручил своему брату Людовику де ла Кройеру посетить для этого не только Архангельск, что хорошо известно, но и Астрахань, что забыто, но зафиксировано документами (в ноябре 1727 г. Академия наук запрашивала Я. В. Брюса, могут ли академические астрономы использовать его инструменты в Астрахани, куда должен

¹³³ Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 253.

¹³⁴ Там же. С. 222–223.

¹³⁵ Там же. С. 227.

¹³⁶ Там же. С. 210–211.

¹³⁷ Путешествие г-на Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухара в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1938. С. 71–80, 167–192, 199–214.

¹³⁸ В 1685 и 1688 гг. Авриль приезжал в Москву за разрешением проехать в Китай через Россию (см.: Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 году / Пер. Н. А. Полевого // Русский вестник. 1842. Т. 6. № 4. С. 69–104).

¹³⁹ Петр «желает, чтобы шелка, которые посылались обыкновенно в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург...» (Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 49. С. 93–94).

ехать де ла Кройер из Архангельска; в мае 1728 г. президент Академии наук просил Сенат послать де ла Кройера, находящегося на Кольском полуострове, в Казань и Астрахань¹⁴⁰).

Хорошо понимали роль Астрахани на путях к Востоку и сами русские – и во времена Ивана Грозного, и в период создания «Чертежа водяному пути от Астрахани до гор Китайского государства», и в петровскую эпоху, когда был затеян Персидский поход. Будучи прилежным учеником европейских политиков, Петр планировал, в частности, сделать захваченные персидские провинции на Каспии областью русского шелководства и «переключить всю шелковую торговлю Ирана с Западной Европой на Волго-Каспийский путь, перехватив огромные доходы от шелкового транзита и шелковой торговли у Османской империи, английских, французских и левантийских торговцев»¹⁴¹. Астрахань же по мысли Петра должна была стать главной базой этой торговли, плацдармом экономической экспансии в Азию. Неслучайно один из историков картографии назвал этот город «вторым городом России по числу картографических памятников той эпохи»: из сотни сохранившихся планов русских городов первой половины XVIII в. пять, по его подсчетам, являются планами Астрахани. Большее число – семь планов – есть только у Петербурга, «почти все остальные города имеют лишь по одному плану»¹⁴². Причем надо иметь в виду, что рассматриваемый план Астрахани из ОР БАН цитируемый автором не учтен, как и упоминавшийся рисованный чертеж начала XVIII в.¹⁴³

Вводимый в научный оборот чертеж Астрахани из собрания ОР БАН, датируемый отраженными в нем реалиями временем около 1721 г., является самым ранним из известных на сегодня геодезических планов городов, выполненных русскими специалистами (приводимые чертежи Иркутска и других сибирских крепостей из атласа Кирилова относятся к 1730-м гг.). Этот документ является «вещественным доказательством» того, что в петровское время инструментальные планы городов отечественными мастерами создавались, и их появление следует отнести как минимум на 10 лет раньше принятого в литературе срока.

И именно ранний, «петровский» план попал в пятитомный «Малый морской атлас» Беллена, содержащий сотни планов портовых городов разных стран и континентов.

Правда, получив элегантные французские «одежды», план Астрахани несколько проиграл в достоверности. Нордовая стрелка компасной розы, всегда указывающая, как известно, север, на французской гравюре обращена к югу, а значит, положение города перевернуто на 180 градусов.

¹⁴⁰ Летопись Российской академии наук. / Отв. ред. Н. И. Невская. СПб., 2000. Т. 1. С. 62, 71.

¹⁴¹ Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М., 1978. С. 5.

¹⁴² Кусов В. С. История познания земель Российских. М., 2002. С. 67.

¹⁴³ ОР БАН. Собрание иностранных рукописей. Folio 266. Т. 3. Л. 46. № 172. Этого плана нет в самом последнем и полном каталоге средневековых русских чертежей, составленном тем же автором, хотя в нем зафиксированы планы Твери, Кашина, Воронежа и других городов (Кусов В. С. Московское государство XVI – начала XVIII в. Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007).

Попытаемся проследить, как это могло случиться. На рукописном чертеже-первоисточнике компасная роза, предназначенная ориентировать изображение по сторонам света, вовсе отсутствует. Она есть на плане кондуктора Ивана Дурова, копировавшего, как показано выше, чертеж-«модернизацию» первоначального, привезенного из Астрахани плана, выполненную специалистом Сената, готовившим чертеж к публикации в задуманном Кириловым грандиозном атласе. Здесь нордовая стрелка указывает, как и положено, на север, а у южного румба стоит буква *S*, означающая зюйд, т. е. юг. Далекий от астраханских географических реалий французский гравер, вырезавший план для публикации в «Малом морском атласе», вместо буквы *S* показал у южного румба нордовую стрелку в традиционной форме «флер-де-лис», геральдической лилии – т. е. вместо юга указал север¹⁴⁴. Но, возможно, эта стрелка уже стояла здесь в той рукописной копии нашего чертежа, с которой он резал гравюру, а значит, ошибка была допущена на предыдущей стадии – когда сенатский чертеж копировали по указанию Делиля для тайной переправки во Францию¹⁴⁵.

Любопытное наблюдение дает сравнение экспликаций русского чертежа и французской гравюры. Текстовые наименования объектов, обозначенных на плане цифрами или буквами, не только содержат разное количество пунктов (28 на чертеже и 21 на гравюре), не только по-разному расположены на листе (вертикальный картуш у правого обреза чертежа – и горизонтальный пояс с тремя столбцами надписей в верхней части гравюры). Главное, что поражает при вдумчивом сравнении, – тот факт, что если экспликация рукописного чертежа начинается пунктами «Земляной город», «Белый город», «Кремль город», основополагающее значение которых подчеркивается и тем, что они выделяются в экспликации буквами – «А», «В», «С» (далее идет нумерация цифрами), то на гравюре буквы «А», «В», «С», с которых начинается экспликация, помечают вовсе не главные объекты города, но вынесены далеко за его пределы, на стрелку реки Болды, где обозначают: А – крепость, В – ватагу, С – лютеранскую церковь. Удивительное и симптоматичное смещение акцентов! Начальным, отправным, словно бы главным пунктом в городе у впадения Волги в Каспий читаются по экспликации французской гравюры не главные элементы русского поселения (их вовсе нет в этой экспликации), а то место, где размещалась немецкая слобода и «государева пристань», куда в свое время «ежедневно подъезжали поступившие на службу Его Величества» иностранцы. Похоже, что тот, кто составлял французскую экспликацию, не только знал эту ситуацию в Астрахани, но и тонко обозначил приоритеты,

¹⁴⁴ Здесь могло сказаться обыкновение европейца XVIII в. ориентировать карты на север.

¹⁴⁵ О копировании «ландкарт» академическим персоналом по поручению Делиля немало сведений дают протоколы Географического бюро: «...г-н Кенигсфельд [...] принес обратно план Москвы, который он закончил у себя дома с разрешения г. Делиля», «Григорьев начал дома у г. Делиля снимать копию с карт Грузии и т.п., переданных грузинским князем», «г-н Делиль взял на время к себе домой карту № 112 из карт г. Брюса», «г-н Кенигсфельд передал г. Делилю следующие карты, которые он скопировал в разное время, из тех, что были переданы ему из Адмиралтейства...» (Источники по истории астрономии в России... С. 224, 233, 238, 245).

а, возможно, и некие перспективы (невольно вспоминается упомянутый план Мадраса из того же «Малого морского атласа» – с его укрепленным «городом белых», отстоящим от поселения аборигенов) ¹⁴⁶.

«Петров чертеж Астрахани»

В качестве послесловия обратимся к плану, называемому в отечественном источниковедении «Петров чертеж Москвы». Он был выявлен в бумагах Петра I при реорганизации в 1837 г. мемориального музея, известного как Кабинет Петра Великого, и назван «Петровым» по принадлежности к указанному собранию ¹⁴⁷. Позже этот «любопытный план Москвы, напечатанный в Амстердаме, с объяснениями на латинском языке», отождествили с планом, помещенным во втором томе знаменитого 12-томного атласа *Geographiae Blavianae* («География Блавиана» – собрание карт, изданных И. Блау в 1662 г.) ¹⁴⁸, а затем – с врезкой на известной карте Г. Герритса 1613 г., называемой также картой царевича Федора Годунова ¹⁴⁹. Относительно истории этого плана по сей день существуют разногласия, и даже само название «Петров чертеж» одни называют ненаучным, «странным», другие предлагают называть чертеж «Годуновским» – по времени составления. Тем не менее определение «Петров» за планом закрепилось. При этом все исследователи сходятся на том, что эта европейская гравюра (вернее, гравюры, так как речь идет о двух взаимосвязанных планах: «Царствующий град Москва...» и «Кремлена град») была сделана по русскому «протооригиналу», который, исходя из анализа запечатленных в нем городских реалий, относят к концу XVI в., – «то есть подлинному чертежу, неизвестными путями попавшему за границу» ¹⁵⁰.

Возвращаясь к плану Астрахани, обратим внимание на аналогию вышеизложенной коллизии «чертеж петровских геодезистов – гравюра во французском морском атласе» с приведенной историей «Петрова чертежа Москвы». В обоих случаях мы имеем дело с европейской гравюрой, сделанной на основе русского первоисточника. И там, и здесь подтверждением служат точная детализация застройки, доступная именно русскому картографу, ориентация

¹⁴⁶ Тем, кому такое сравнение покажется надуманным, напомним о разразившейся полвека спустя наполеоновской аванюре 1812 г. Известно, что в планы Наполеона входило разбить русскую армию у западных границ России, а далее отправиться с русскими в поход на Индию. Полную осведомленность об этих «перспективах» для России демонстрирует Д. В. Давыдов, высказавший в беседе с Багратионом «общее мнение» русского общества: «...Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов [...] Если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! В Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников [...] за пользу, чуждую России, а здесь я умру под знаменами *независимости*...» (Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985. С. 42).

¹⁴⁷ Снегирев И. М. Памятники Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. М., 1842. С. 106.

¹⁴⁸ Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII века // Древнерусская картография. М., 1898. Вып. 1. С. 2.

¹⁴⁹ Клепиков С. А. Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX вв. М., 1956. С. 5–16, 27–30.

¹⁵⁰ Там же. С. 14.

на юг, характерная для русских чертежей допетровского и отчасти петровского времени, а также сохраненные на европейских гравюрах русские надписи. Так, на плане Москвы из атласа Блау повторен «великолепной русской вязью» заголовок: «Црствающей град Москва начальной город всех Московских гдрствах...»; на гравюре с планом Астрахани из «Малого морского атласа» подобным образом можно рассматривать встречающиеся среди французских надписей русские названия, которые составителям атласа перевести не удалось: «Vataha» (ватага), «Roscoff...» (Покровский [монастырь]).

Главным же является тот факт, что толчком к определению и там и здесь послужил документ, связанный с деятельностью Петра I. В одном случае это экземпляр гравюры из собрания бумаг Петра, в другом – рукописный чертеж, созданный в петровское время, в ходе работ, задуманных Петром и осуществлявшихся по его указу. Последнее, на наш взгляд, позволяет с не меньшим, а, быть может, и бóльшим правом называть идентифицированные, датированные, атрибутированные здесь и русский чертеж, и французскую гравюру, по аналогии с планом Москвы из атласа Блау, «Петровым чертежом Астрахани».